Полюбить
АРЕСА
18+
Елена Дженкинз

Елена Дженкинз
Полюбить Ареса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42819780
SelfPub; 2020

Аннотация

Саня Прохорова, падчерица известного дипломата, точно знает, чего хочет от жизни: стабильности. Но что делать, если сердце предает при мысли о собственном телохранителе с темным прошлым, которого она в шутку прозвала Аресом? Стас Архипов прошел путь от избалованного богатого наследника до изгоя. Он просыпается по утрам по одной-единственной причине, и имя ей – Саша Прохорова. Но он никогда не посмеет очернить собой жизнь этой светлой девочки. Вот только… Можно ли контролировать любовь? Самостоятельный сюжет, второй в цикле "Любовь вопреки себе".

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 26
Глава 3 45
Глава 4 57
Глава 5 77
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Глава 1

Заветный путь навстречу друг другу
начинается с долгой дороги к себе

***

– Знакомься, дочка, это Стас Архипов. Отныне он – твоя тень. Прошу если не любить, то жаловать.

Стас смотрел на хрупкую девушку и не мог понять, она довольна новым телохранителем или нет. В серьезных светло-карих глазах была одна только сдержанность. А еще любопытство. Она будто обезьянку разглядывала.

Новая хозяйка «тени» перебросила длинные темные волосы на одно плечо совершенно не кокетливым движением и протянула руку.

– Очень приятно. Александра. Но все зовут меня Саней.

Рука у нее оказалась крепкой, Стас даже удивился. Такая Дюймовочка с виду, а сильная. И взгляд прямой, по умолчанию уважающий собеседника. Архипов сам не ожидал от себя, когда улыбнулся и ответил:

– Тогда я не буду, как все. Мне нравится имя Саша.

«Ты с ней еще пофлиртуй, дебил! – одернул он себя в мыслях. – Сразу вернут в места, не столь отдаленные». Но девушка вежливо рассмеялась, и звук ее смеха, как электролит,

влился в сердце, вызывая разряд; оно заработало, забилось быстро. Стас выдохнул недоверчиво: он давно забыл, какое это яркое ощущение – жить.

…Когда же он умер?

В семнадцать, когда на выпускном в частной закрытой школе в Англии впал в кому от передозировки? Колледж Малверн, двадцать тысяч долларов в триместр за обучение плюс еще пятьдесят на карманные расходы… Но что такое для отца были эти деньги – пыль.

Или потом, когда родители решили вместо университета в Мичигане отправить сына в силовые структуры ФСБ? Отец, Юрий Архипов, расставил приоритеты четко: «Ты хоть знаешь, какие парни там работают? Лучшие, не слабаки, как ты. Тебя берут только потому, что ты мой сын. Начнешь с самых низов, и чтобы пикнуть не смел. Понял меня? Достаточно твоих разгулов, следующий ты уже не переживешь, а главное – мать не переживет».

…А может, когда через восемь лет, став одним из лучших в своей группе, в Дагестане получил тяжелое ранение и в очередной раз ступил одной ногой в заслуженный ад? Осколками прошило бедро и едва не раздробило локтевую кость, отчего подвижность сустава стала хуже. До сих пор ноет во время дождя.

Зато операция группы «А» прошла успешно, международный террорист обезврежен. Поздравления, награды. И снова эта пустота внутри, отдающая звоном в ушах, и хочет-

ся закрыть их руками, но знаешь заранее, что не поможет.

Потом – перевод в отдел оперативной информации после ранения. И новость дня в России: миллиардера Юрия Архипова, главу М-Банка Москвы, обвиняют в хищении средств. Он враг народа. Судебная тяжба, побег отца за границу.

«Стас, это твое задание. Ты не имеешь права отказаться! Ты ведь предполагаешь, где он, как его достать. Ну ты же не дурак! Тебя отдадут под трибунал!.. Военный суд ты не переживешь».

Да, он знал и понимал, но ничего не сказал. Привык за годы, что за свои слова нужно отвечать.

Короткий, наспех организованный суд, тюрьма…

И снова промывка мозгов. «Тебя здесь убьют! Ты идиот!»

Да? Ну и что. Какой смысл жить, что-то делать?

«Они думали, твой отец вернется в Россию, чтобы тебя выторговать. А он вместо этого получил убежище в Англии. Стас! Что ты с собой делаешь?! Ты ведь себя убиваешь! Он тебя оставил здесь гнить, он не вернется, понимаешь?»

Слова, слова… Как много люди разговаривают, засоряют Вселенную.

Целый год как в тумане, по режиму, под давлением. И этот начальник, который пытался сломать сына государственного врага, но понял, что Стасу все равно, он не психанет, не поплачется на ТВ.

И вот две недели назад – очередная новость: Россия и Великобритания договорились о выдаче Юрия Архипова в

Москву. Держать Стаса в тюрьме уже не имело смысла, но начальнику не понравился такой расклад. «В рамках воспитательных работ была проведена беседа», – говорилось потом в отчете. Беседа была бессловесной: ночью Стасу порезали вену на правой руке. Начальника он достать не смог, но тех двух, которые держали, покалечил немного. А на рассвете полуживого заключенного забрали из тюрьмы. Это было настоящее чудо, что он не умер от потери крови.

В тот момент он стал фаталистом. Пытался угробить себя в школе – не вышло. Пытались убить в тюрьме – выжил. Зачем? Неужели где-то в мире есть смысл?

Шумиха вокруг Стаса очень вовремя поднялась благодаря Валентину Геннадьевичу Прохорову, дипломату. Он не был другом семьи, но хорошо знал самого Стаса: сталкивались по работе. Прохоров трудился в МИДе советником министра, а также курировал мидовскую линию работы с ФСБ и знал, кто есть Стас Архипов, боец группы «А».

Прохоров вступился и, подключив бывших начальников Стаса из ФСБ, взял его себе на поруки. Влияния Валентина Геннадьевича хватило, чтобы во всей этой неразберихе и суете Стаса перевели в его службу безопасности.

Срок был изначально – два года. Один позади, остался еще один – условно, который нужно отработать телохранителем.

Имущество отца в России конфисковали, но у Стаса осталась квартира в центре Москвы, в Ермолаевском переулке,

который огибал Патриаршие пруды с севера. Жилище принадлежало Стасу с рождения, хоть и было оформлено на бабушку, обитавшую на Лазурном берегу во Франции. С бабушкой уже много лет живет и младшая сестра – Лиза, которая работает моделью. Стас в детстве прозвал ее Лисой. Он не видел сестру чертову тучу времени.

Сколько всего случилось за последние годы, а даже поговорить не с кем…

Сегодня у него – первый рабочий день в роли телохранителя. Знакомство с девушкой, которую придется охранять днем и ночью. Стас мало о ней знал, но достаточно для первого наброска портрета… Девятнадцать лет, родом из Звенигорода, выросла с матерью-одиночкой. Окончила второй курс МГИМО, кафедра европейского права. Мечтает стать судьей. Права человека, все дела. Бойкая, значит.

Летом после первого курса ее мать приехала в Москву и случайно встретила Валентина Прохорова, свою школьную любовь. Пара поженилась вот буквально месяц назад. В день свадьбы автомобиль новобрачных едва не взорвали. Один из охранников предотвратил катастрофу, обнаружив бомбу.

Кем были те тайные враги Прохорова, Стас не знал. Его пока не посвятили во все подробности, ибо эти две недели после освобождения он провел в больничной палате. Но очевидно, что Валентин Геннадьевич своих недругов еще не обезвредил, раз нанял телохранителя для падчерицы. Не просто охрану – ее вокруг Саши и так полно – а фактически

личного слугу, который госпожу должен овевать опахалами сутки напролет. Значит, враги эти – люди не просто опасные, а без башни.

Удочерить совершеннолетнего «ребенка» нельзя, но Прохоров первым делом сменил Саше паспорт, дав ей свою фамилию.

За границу девушка отказалась уехать, из университета уходить в академический отпуск – тоже. Что это: храбрость или глупость?

…Саша. У нее со Стасом – почти восемь лет разницы, а кажется, что целая жизнь. Но зачем она смотрит так пристально, прямо в душу? «Не надо, детка, там нет ничего хорошего. Одни только демоны, и те уставшие от всего».

И она словно прочла его мысли. Отвернулась и вышла из комнаты, а ему захотелось пойти следом; сердце испугалось, что снова замолчит без этой хрупкой, но сильной девочки.

«В общем, новая работа не так уж и плоха», – заключил Стас, решив первым делом после разговора с Прохоровым проверить систему безопасности в квартире.

Жилье располагалось в охраняемом районе Москвы рядом с Кремлем; здесь селились только политики и боссы, и лучшего района для «сохранения» не придумаешь: везде видеонаблюдение и охрана по периметру. У старшего Архипова здесь тоже имелась собственность, пока он был в чести.

Адрес жилища Саши – а она обитала одна – знали только пару родственников и друзей. Девушка въехала сюда па-

ру недель назад, сразу после покушения на Прохорова. За дверью квартиры работали посменно две пары охранников, а теперь состав дополнили и личным телохранителем, которого, по всей видимости, специально дождались из тюрьмы. Почему именно его? В чем цель Прохорова?..

Квартира просторная, трехкомнатная: большая гостиная и две спальни. Одну, которая поменьше, выделят Стасу, хоть со стороны этот жест может показаться странным, похожим на благотворительность.

Первое, что бросилось в глаза, – лес из кактусов на подоконнике. И главное, каждый аккуратно обрезан, «причесан», как на выставку. Вспомнив о силе рукопожатия, добавив впечатление от кактусов, Стас осознал, что снова улыбается: подопечная его заинтриговала. Пожалуй, она могла бы работать дрессировщиком в цирке. Впрочем, работа судьи не легче, только дрессировать придется таких, как Стас.

– Ну, что думаешь? – спросил Прохоров, взглянув на простые наручные часы. Он деловито достал из портфеля папку с досье и добавил: – Оставляю тебе ознакомиться, все вопросы после 21:00, раньше я не освобожусь. У меня две минуты – и на выход.

– Не знаю, смогу ли я вас когда-нибудь отблагодарить, – искренне признался Стас.

– Мне будет достаточно, если с моей Санькой ничего не случится. И с тобой тоже. Поверь, у тебя много сторонников, но руки были связаны, пока твой отец был вне зоны досяга-

емости… Если бы не я, тебя забрал бы кто-нибудь другой, не сомневайся.

Стас и не сомневался: его вынес бы гробовых дел мастер, проведи он в тюрьме еще хоть сутки. И Прохоров тоже это знал, потому и сработал так оперативно. Но не будь он мудрым дипломатом, если бы не попытался повысить самооценку собеседника.

– И вы не боитесь доверить мне охрану Саши?

Валентин Геннадьевич посмотрел пронзительно, приподняв брови, давая понять, что это наивный вопрос. Боялся бы – не доверил бы.

– Я следил за твоей карьерой почти десять лет. Видел, что ты можешь. А в юности все мы совершаем глупости. Ты за них с лихвой расплатился. Хватит. Из всех, кого я знаю, разве что Саня уже мудрой родилась. Так что позаботься о ней, а она позаботится о тебе. Ну, будь здоров…

Оставшись в гостиной один, Стас открыл папку – и присвистнул. Ого, какие люди! Да это же господин Ираклий Василевский собственной персоной, крестный отец Стаса. Они виделись всего пару раз, потому что в школьные годы Стас жил за границей, а после обитал в ФСБ и тюрьме, но Василевского хорошо знали в органах. Он был питерским авторитетом, который официально владеет сетью казино, а подпольно разрабатывает черные схемы ведения бизнеса для чиновников. Чем жил Ираклий последний год, Архипов был без понятия. В тюрьму крестный отчитываться не прибегал.

Досье было увесистым, на снимках – знакомые лица: вот Василевский-старший, а вот он с семьей; его сын Павел младше самого Стаса всего на год…

Откуда у крестного, интересно, зуб на московского дипломата? Как они вообще пересеклись? И не думает ли Валентин Геннадьевич, что Стас станет своего рода щитом от криминального босса? Смешно. Разве Василевского остановит тот факт, что когда-то подержал ребенка над купелью в храме? Тем более, отец Стаса сейчас неизвестно где. Его вроде как выдают в Россию, а дело не движется. Глядишь, еще откупится и останется за границей. Но время покажет.

В гостиную вернулась Саша, и Стас напрягся. Почему-то при виде этой девочки хотелось выпрямить спину и отдать честь. Но отдавать было нечего, и он просто поднялся с дивана и поправил кобуру.

– Если позволите, хотел бы взглянуть на ваше расписание. Составлять желательно на две-три недели вперед. И чтобы никаких непредвиденных мероприятий, – сказал он сухо.

– Конечно. Я пришла предупредить, что жду в гости своего парня, Володю. Он в этой квартире еще не бывал. Мы… встречаемся всего пару недель. На той злополучной свадьбе познакомились. Он с отчимом работает.

Было заметно, что Саша нервничает из-за необходимости обсуждать личную жизнь с чужим человеком, и Стас попытался поддержать ее морально.

– А если я решу привести свою девушку, мне вас нужно

предупреждать?

Лицо Саши вытянулось от растерянности, и он понял, что шутка не удалась.

– К-конечно, приводи…те.

– Я пошутил.

– А-а, уф-ф, – она выдохнула и рассмеялась. – Знаете, у меня в последнее время плохо с чувством юмора.

– Судя по всему, у меня тоже. Клянусь, посторонних сюда не стану пускать. Да мне и некого.

– Правда? У вас нет девушки? – поразилась Саша и сразу же виновато перебила себя: – То есть… Простите меня за дурость. Вас ведь только освободили.

Ну, не такая уж и дурость: перед выпиской из больницы Стаса успешно совратили. Вот что значит – повезло с медсестрой.

Он знал, что пожалеет о своем вопросе, но демоны внутри вдруг приоткрыли заспанные глаза и стали подзуживать его.

– Вы находите странным, что у меня нет девушки. Хм-м… То есть, я вам понравился?

Но на этот раз Саша не смутилась. Снова на ее лице промелькнуло всепонимающее выражение, и она тепло улыбнулась.

– Вы очень привлекательный, Стас, и знаете об этом. Думаю, у меня добавится проблем, когда мы вместе начнем появляться на людях. Мои подруги станут выспрашивать ваш номер телефона. Но я никому его не дам, из чисто женской

жадности. – Она заправила волосы за ухо и добавила: – Я очень волновалась перед нашей встречей. Отчим рассказал мне о вас все, что знает. Я восхищаюсь вами и вашей позицией во всей этой истории. Надеюсь, мы станем друзьями.

У Стаса отвисла челюсть от неожиданности, и, хотя Саша уже договорила, он никак не мог пошевелиться, застыв с папкой в руках.

У Прохоровой был очень мелодичный голос, мягкий, добрый, слегка шутливый. Но что она сказала? Что считает его красивым, восхищается им?! Ерунда какая-то. Он не удержался от безобидного флирта первый раз за тысячу лет, просто потому что кровь прилила к сердцу, а в итоге создал удручающую картину. Меньше всего он хотел, чтобы эта чудная девочка влюбилась в него. А в него всегда влюблялись, ему и делать-то ничего не приходилось для этого.

Тон был жестким, когда он ответил:

– Саша, никогда мне такого больше не говорите. Я не герой. Для того чтобы отмыть мою душу, ее придется несколько раз прокипятить.

Она растерялась, вся такая искренняя и воздушная, в легком летнем платье до стройных колен, с заботой во взгляде… Стас поднялся и отошел к окну, машинально осматривая местность.

– Послушайте. Когда-то я был полным отморозком – этого ваш отчим не рассказывал, конечно. Меня исключили из военной школы в Штатах за буйный характер, а потом в Ан-

глии я объелся наркотиками на выпускном. Я учился в…

– В колледже Малверн, я знаю.

– Да. Я был хорошим манипулятором, и на мое поведение смотрели сквозь пальцы, тем более что учеба мне всегда давалась легко. Я вел себя, как мудак, и жив до сих пор только потому, что у отца хватило ума вернуть меня в Россию и отдать в ФСБ. Там мне быстро мозги вставили на место. Но лучшим человеком это меня не сделало. Мне будет очень неприятно, если вы добавите мне качеств, которыми я не обладаю, вроде благородства. Да, я удержался в спецслужбе, но лишь потому, что там нужны хорошая голова и холодный расчет. Вот тут, – он постучал себя по сердцу, – пусто. Там всегда было пусто, потому что я – сволочь. Это у меня генетическое. До сих пор не могу поверить, что ваш отчим не оставил меня догнивать в тюрьме. Черт… – он сложил руки на груди, а потом сжал переносицу двумя пальцами. – Надеюсь, я вас не напугал. Конечно, если я хочу, то могу понравиться кому угодно, меня фальшивого всегда любили. Как яркий фантик… Но это все пустое. И тем не менее, вы можете мне доверять: если придется, я закрою вас собой, не задумываясь. Но не потому, что я герой, а потому что моя жизнь ничего не стоит.

Саша медленно подошла к желтому кожаному дивану, оторопевшая от его импульсивных признаний, села, потянулась за папкой с личным делом Василевского и сказала:

– Неужели вы думаете, что я настолько поверхностная? –

она буквально клокотала от гнева, нахмурившись. – Я способна трезво оценить человека, и…

– Саша…

– Ну нет! Вы высказались. Моя очередь. Знаете, почему в день свадьбы едва не погибли Валентин Геннадьевич и моя мама?

– Я так понимаю, руку приложил Василевский.

– Да. Из-за меня.

Стас не ожидал подобного поворота беседы и, отойдя от окна с колючими кактусами, уселся на край стола у стены.

– В каком смысле?

Она собралась с духом и уже произнесла первое слово, когда раздался громкий звонок. Напряжение, повисшее в комнате, можно было нарезать ножом, как масло, а Саша напомнила:

– Консьерж из холла звонит. Он по списку гостей ко мне пускает. Володя пришел, наверное.

И почему-то простой факт, что у этой славной девочки есть парень, покоробил. Это же святотатство – прикасаться к ней, раздевать, клеймить губами. Она заслуживала как минимум рыцаря из средневековых романов, который отважится целовать только подол ее платья, а дети у них появятся из капусты.

– Сегодня суббота, а значит, мы идем в клуб. Моя подруга ждет нас там – Настя Терехова, дочь основателя NewTek. Она будущий маркетолог. У меня в университете достаточно

друзей, но вне учебы я в основном общаюсь только с ней… Мы потом договорим, Стас, хорошо?

Она впустила в квартиру упомянутого Владимира, Красное Солнышко, и когда тот показался в гостиной, Архипов насторожился, а мышцы пресса свело, как будто ему сейчас ударят под дых. И удар последовал, когда гость, вежливо поздоровавшись, приобнял Сашу и быстро поцеловал в щеку.

В глазах на мгновение потемнело от желания оттащить его от девочки, чтобы не смел трогать. Но такого права у Стаса не было, и он вынужден был подойти и пожать руку отутюженному, отполированному ухажеру… И что она в нем нашла?

***

Саня весь день была сама не своя, даже ноготь погрызла. А все из-за дурацкой привычки лезть людям в душу, копаться там и расчищать залежи. Делать мир светлее. Оптимистка, что с нее взять. Таких только голодомор в реальность может вернуть. И ладно бы, в жизни с грязью не сталкивалась. Но вера в людей только крепчала на крутых виражах, потому что на каждого мудака находилось два хороших человека.

Людям, которые ее плохо знали, Саня представлялась наивной девочкой, которая жизни не знает и потому радуется, как глупышка. Мол, вот случится у тебя горе, тогда и прозреешь.

Те, кто Саню знал хорошо, так не думали и относились к ней с уважением. Отчим, который был не последним чело-

веком в стране, любил сидеть с Саней на террасе у себя на даче и разговаривать. Часами. Поговорить для них – самая соль жизни.

А сегодня у Сани случилось целое событие, имя которому – Стас Архипов. Как она узнала от отчима и из досье, парень был уникальным образцом для исследования и оказания первой житейской помощи.

Сын миллиардера, трудный подросток-дебошир, который преодолел себя и стал уважаемым сотрудником спецслужб, а затем был отправлен в тюрьму за то, что не выступил против отца, которого Интерпол назвал международным преступником… У-у-ф, та еще биография! И этот парень, вернее, мужчина, будет ее охранять. От одной мысли мурашки по коже. И ладно бы он оказался снобом или льстецом. Нет. Под пронзительным взглядом зеленых глаз хотелось вжать голову в плечи – столько там скрытых чувств. Саню аж колотило, как на морозе, когда он смотрел на нее.

Стас был примерно метр восемьдесят пять. Плечи широкие, но по очертаниям фигуры заметно, что он не перекаченный, да и в тюрьме явно отощал. У него глубокий голос с интонацией самоиронии, а улыбка оказалась широкой и заразительной. Даже печать вселенской усталости на лице придавала ему шарма.

Архипов – из тех, кто рожден с чувством стиля. Наверное, девчонки вешались на него еще в средней школе. Репутация плохого мальчика – это же как магнит…

«Пай-девочкам нравится, когда их имеют плохие мальчики. Это аксиома», – вспомнилась фраза подруги, Насти Тереховой. Да уж, слабую волю такой парень, как Стас, подавит одним щелчком пальцев.

У него были светлые волосы, темные у корней, длинная челка, зачесанная наверх… Его обривали год назад, наверное. Неужели он ничего не чувствовал, как и пытается представить? Даже когда его унижали? С самооценкой у него явный перекос в минусовую сторону, хотя когда-то, наверное, была завышена. Не человек, а кардиограмма.

Легко понять отчима, который решил вытащить Стаса из болота. Саня всей душой чувствовала, что свершилась справедливость. Была в Архипове какая-то необычная черта, которая цепляла окружающих и оголяла нервы.

Очень хотелось поговорить с ним еще, но пришел Володя. Саня даже вздрогнула, когда раздался звонок, потому что забыла о собственном парне. От этого она почувствовала себя без вины виноватой и, когда Володя склонился, чтобы ее поцеловать, машинально отвернулась. Если Саня нервничала, то не любила, чтобы к ней прикасались.

– Володя, разреши представить моего нового телохранителя, Станислава.

Мужчины оценивающе посмотрели друг на друга.

– Не знал, что Валентин Геннадьевич уже выбрал кандидата. Я надеялся помочь, – участливо сказал Володя, но на это замечание нечего было ответить, и оно сиротой повисло

в воздухе.

Стас вернулся к дивану и спешно собрал досье, чтобы скрыть от чужих глаз, а Саня только сейчас сообразила, что из-за размышлений о новом «сожителе» не успела переодеться и ходила по квартире в домашнем сарафане.

– Володя, дай мне пять минут, пожалуйста.

– Конечно. Не торопись.

«Ага, чтобы ты мог поговорить со Стасом», – улыбнулась про себя Саня и полетела в спальню.

Большая встроенная гардеробная была полна новой одежды, длинными рядами стояли туфли. Косметический столик изготовили, как утверждал дизайнер, по примеру Пэрис Хилтон, хотя для Сани все эти нюансы не имели никакого значения. Просто отчим любил баловать новую семью.

Все вокруг уверены, что Санька – его родная дочь, но это не так. Они действительно настолько похожи и внешне, и по характеру, что сродни чуду. Вообще, да – это самое настоящее чудо, что мама встретилась с Прохоровым после стольких лет. А подстегнул к этому не кто иной, как сын питерского криминального авторитета Ираклия Василевского, когда посмел угрожать Сане, «наивной девочке».

Она наспех вытащила черный шелковый комплект белья, с бюстгальтером без бретелек. Все-таки коктейльное платье – с открытым лифом. Нюансы-нюансы… Проще изучить Уголовный кодекс, чем веяния моды. Но как Саня уважала других людей, так и себя не обижала. Еще в школе она поня-

ла, что жизнь – это усилие. Прикладываешь усилия – получаешь результат. И внешность тоже стоит того, чтобы о ней позаботиться.

Выбрав бордовое платье до колен, из шелкового кружева, Саня обула открытые туфли с тонкими ремешками, быстро подкрасилась и, затолкав в маленький клатч свой айфон, поторопилась в гостиную.

По оскорбленному виду Володи стало ясно, что Стас его просто-напросто проигнорировал. Володя очень гордый, насколько Саня успела узнать. Он относился к равным как к конкурентам и среди друзей таких не держал. А Стаса он воспринял как равного, не зря ведь насупился.

– Идем? – она вежливо улыбнулась, чтобы ее ухажер наконец выдохнул. Он, как всегда, был в классической одежде, брюки-рубашка. Ему недавно исполнилось тридцать четыре, но больше двадцати пяти не дашь. «Хорошие гены», – такой была первая мысль Сани, когда они познакомились.

– Прекрасно выглядишь, дорогая, – сказал он чересчур громко и, взяв ее за руку, повел к выходу.

Стас молча пошел следом, сел в серебристый «лэндровер» в подземном гараже и последовал за Володиным «альфа-ромео». Двух охранников, которые занимались наружным наблюдением, с собой решили не брать.

– Он что же, теперь всегда будет рядом с тобой, этот смазливый парень?

– Не ревнуй. Валентин Геннадьевич взял *этого смазливо-*

го парня под крыло, спорить бесполезно. Просто смирись и живи дальше.

– Он и ночевать с тобой будет, я так понимаю?

– Воло-о-дь. Ну что ты, в самом деле. Он работает телохранителем. Достойная и приличная работа. Он не жиголо. По ночам мы с ним будем спать в *разных* комнатах. Это продлится ровно до того момента, когда Ираклия либо засадят наконец, либо он сбежит из страны.

– То есть до конца наших дней.

Саня тяжело вздохнула и промолчала. Володя, амбициозный, ухоженный москвич, оказался изнеженным созданием. Его разбаловали вниманием женщины – все-таки завидный жених из состоятельной семьи. И принять тот факт, что Саня не пищала от восторга при каждой встрече, он явно не смог. Они встречались меньше месяца, а Сане казалось, что прошли годы, потому что за это время она успела наслушаться упреков в том, что недостаточно внимания уделяет своему парню. «Ты иногда про меня напрочь забываешь, как такое вообще возможно?» – обижался он. По характеру он был замкнутым и совершенно не сентиментальным, и откуда взялась эта жажда контролировать свою девушку – непонятно.

«Как?! Ну как ты можешь меня ревность не только к людям, но и к вещам, к занятиям?» – удивлялась Саня. Она никогда не скучала в одиночестве и всегда была при деле. И такое всеобъемлющее внимание со стороны, казалось бы, очень занятого человека, работающего в дипмиссии, подав-

ляло ее. Но достоинства Володи перекрывали этот недостаток.

Он был словно Кен, возлюбленный Барби. Хорошо воспитанный, благоразумный, порядочный. Рядом с таким мужчиной было легко мечтать о размеренной семейной жизни, лишенной тревог, об уютном доме в Александровском и о детях. Саня, выросшая без братьев и сестер, хотела бы иметь минимум двоих детей, мальчика и девочку.

С «Кеном» их как раз таки объединил общий подход в создании семьи. Саня верила в любовь, но реалист в ней тоже не дремал: за всю жизнь она не встретила ни одной пары, где чувства продержались до конца. Все же вечная любовь – «зверь» крайне редкий и неуправляемый. Строить на такой шаткой основе дом с детишками – дело ненадежное. А вот взаимное уважение, согласие в базовых вопросах дает возможность создать крепкую семью, обеспечить детям светлое будущее. Именно такого принципа придерживаются те избранные семьи, которые правят миром. Они потому и правят миром, что *ими* правят не эмоции, а трезвый ум.

У подруги, Насти Тереховой, мать умерла молодой, в тридцать пять, и отец Насти не смог пережить потерю. Остался вдовцом в расцвете лет и до сих пор один. А ведь он богатый, влиятельный человек… Это, пожалуй, единственный пример преданной любви, известный Сане… Ну, еще отчим с мамой. Они родом из Звенигорода и когда-то давно встречались несколько месяцев: мама Таня училась в вы-

пускном классе, а Валентин Геннадьевич заканчивал универ. Получив диплом, он уехал работать за границу по линии дипмиссии, и с мамой Таней они больше не виделись. Встретились вновь год назад и уже не расстаются.

Увы, такие случаи – один на сотню, и рисковать Саня точно не собиралась. Семейное счастье было ее мечтой наравне со спасением мира от Тьмы. Саня мечтала о собственном маленьком, уютном мире, с детишками и мужем, который читает газету по утрам за чашкой кофе. Разве это плохо?

Чувства можно контролировать, нужна лишь сила воли. Да и любовь, если вдуматься, – понятие спокойное, гармоничное, ни капли не истеричное. Именно к таким отношениям она стремилась с Володей.

А страсть… она к любви вообще отношения не имеет. Страсть – это вспышка, после которой остается только пепел на месте души. Один раз Саня пережила подобное и снова наступать на те же грабли не собиралась.

«Я все делаю правильно», – повторяла она про себя, как заклинание, глядя на первые бледные ленивые огни вечерней Москвы, но мысли то и дело возвращались к Стасу. Он вызвал в ней странное для девушки желание – защитить взрослого мужчину… Да, именно это хотелось сделать – защитить его. «Если я ему об этом скажу, он сделает себе харакири. Честь воина не вынесет такого позора. Даже воина, который считает, что у него нет чести».

– Жизнь – непредсказуемая штука, – пробормотала Саня

и, подышав теплом на боковое стекло, нарисовала знак вопроса… А вопрос был простой.

Логика помогает достичь стабильности и спокойствия.

Чувства привносят хаос и глубину ощущений.

…Их нельзя совместить. Ведь нельзя же?

Глава 2

Клуб «Бронкс энд Баррет» располагался в районе Патриарших прудов, на Малой Бронной. Любимое место Насти Тереховой. Сюда съезжалась не просто «золотая молодежь», а интеллектуальная элита… по крайней мере, они себя таковой считали. Войти внутрь – значит попасть в круг избранных, но для этого нужно иметь либо членский билет, либо приглашение. Других путей, в общем-то, не существовало.

Было еще рано, девять часов вечера, но народу уже собралось немало. Все же последние выходные перед осенним семестром, а среди завсегдатаев половина – студенты. Будущие политики, банкиры, фэшн-иконы.

Настя стояла у бара, потягивая любимый грейпфрутовый сок, когда Саня подошла и шепнула:

– Только не комментируй внешность моего нового охранника, Володя и так на взводе.

– М-м? – Настя оглянулась и, заметив Стаса… сделала вид, что не заметила.

Подруга собрала длинные светлые волосы в хвост а-ля «Я сегодня не расчесывалась», а одежду явно подбирала вслепую. Синие брюки, клетчатая свободная рубашка мужского покроя.

– Ты для Цербера так «расстаралась»? – предположила Саня, и подруга кивнула.

– Сил нет больше его видеть. Если бы ты только знала… Даже в порядок себя приводить муторно.

Володя вежливо вмешался в разговор и сообщил, что выбрал столик на втором ярусе, в VIP-зоне.

– Забавно, правда? В VIP-клубе есть VIP-зона, – протянула Настя и рассмеялась. – Вип-вип, ура!

Стас позади усмехнулся, а Володя притворился, что не слышит Терехову. Он критически относился к распущенным манерам у девушек и подругу не жаловал, хотя и знаком-то с ней без году неделя.

Странное все-таки дело. Настя была девственницей, умницей, из приличной семьи, но… любила ехидничать, спорить и просто быть собой. И ее осуждали. В то же время Санька нагрешила в жизни похлеще Дориана Грея, но была мила и учтива. И ею восхищались. Сила стереотипного мышления в действии.

– Владимир, а что вы такой печальный, как байроновский герой? – поинтересовалась Настя. – Вас клонировать, и люди решат, что наступил зомби-апокалипсис.

Володя проигнорировал выпад, поцеловал Сане руку и молча ушел вперед.

– Зомби ведь мозгами питаются, а общая масса мозгов на количество населения слишком мала. Так что апокалипсис накроется медным тазом.

Колкое замечание принадлежало Стасу, и Саня крепче сжала сумочку в руках, услышав глубокий бархатистый го-

лос. Захотелось пить, и она отобрала почти пустой бокал с соком у Насти, хоть и не любила горькие напитки. Подруга внимательнее присмотрелась к охраннику и, похлопав в ладоши, сказала:

– Браво. Наш человек. То-то Владимир осатанел.

Но, помня просьбу Сани, Терехова не стала развивать беседу со Стасом и молча направилась к столику, вскинув руку вверх и скандируя: «Вип-вип, ура!». Настя нервничала, потому что с вечеринок ее обычно забирал ставленник отца, Данила Летов. Когда-то она его безответно любила, а теперь клялась, что ненавидит. «Цербер» – так она его прозвала.

Следующие два часа пролетели незаметно, в разговорах, встречах со знакомыми и выпивке. Саня не пила спиртного, обходясь безалкогольными коктейлями.

Телохранитель находился в нескольких шагах, внимательно осматривая каждого, кто подходил к Сане, изучая круг ее общения.

– Стас?!

Оклик заставил вздрогнуть, и она резко повернулась, чтобы увидеть человека, который узнал Архипова.

– Вы обознались, – ответил охранник, но мужчина оказался навязчивым. Это был известный российский ди-джей, уже нетрезвый; из семьи медиамагната Данберга, кажется.

– Ты че, друг? Ты мне снишься, что ли? Ходил слух, что ты умер сто лет назад… А он стоит, светит белозубой улыбкой. Как жизнь? Моя сестра до сих пор на твои плакаты плачется.

Видимо, чтобы не привлекать ненужное внимание, Стас отошел с приятелем подальше, послав Сане предупреждающий взгляд, и она ободряюще ему улыбнулась.

– А он, оказывается, не простой солдат, да? – холодно поинтересовался Володя.

– Извини, но это военная тайна, – нашлась Санька.

– Что ж, взаимное доверие – основа любых отношений, – упрекнул «Кен».

Спасла от очередных разборок Настя. К ней обратился распорядитель клуба, показав Книгу пари. Кто-то вызвал Терехову на «слабо»: спеть в караоке сложную песню System Of A Down «Chop Suey!». Очень быстрый рэп, переходящий в протяжный припев.

– Не понимаю я этих дурачеств, вроде бы серьезные люди здесь собираются, – возмутился Володя. – Настя, я бы на вашем месте отказался.

– А я на моем месте согласилась бы. Вот и как тут сделать выбор…

Терехова залпом допила коктейль и ушла вниз, к сцене, на которую часто выходили известные московские группы. Техник врубил свет, настроил музыкальную систему.

– Поддержу ее… Меня под пытками не заставили бы петь на публике, – сказала Саня и, схватив сумочку со столика, заторопилась вниз следом за подругой, остановившись в нескольких шагах от сцены.

Настю часто подзуживали на глупости, но она совершала

только те, которые не выходили за рамки ее системы координат. Ее нельзя было на «слабо» заставить поступить по-идиотски, потому что больше всего на свете она не переносила идиотов. Отец запрещал ей встречаться с парнями, и те иногда лезли на рожон от обиды, надеясь, что Настя им «даст». Вот и сейчас явно тайный поклонник постарался с дурацким пари, чтобы лишний раз поглазеть на девушку.

Заиграла громкая музыка, и Терехова выкрикнула:

– И кто там сомневался, что я спою партию Танкяна? Да я на утренниках в садике не такие ноты вытягивала!

Когда она запела, народ в клубе сразу потянулся к танцполу. У Насти был сильный, звонкий голос с едва уловимой хрипотцой на высоких нотах, вполне подходящий для того, чтобы покричать под музыку. Двигалась она легко, потому что в школе занималась гимнастикой, а теперь увлекалась воздушным танцем.

Вокруг стайками топталась молодежь, с любопытством глядя на высокую, уверенную в себе Терехову, одетую, как усталый, потрепанный хипстер. С английским у нее проблем не было, и звучный голос заполнил помещение клуба. Она орала рэп, прерывающийся красивой мелодичной партией, и скоро так погрузилась в себя, что на следующем переходе к тяжелому року, стащив с волос резинку, взмахнула головой и запрыгала под биты, как на рок-концерте в толпе.

– Ну слава богу, я подумал, она кого-то убивает, – раздался рядом с Саней голос Данилы Летова, который слишком

рано явился в клуб за Настей.

– Она убивает *меня*! Своей офигенностью! – ответил ему стоявший рядом парень. – Терехова, роди мне ребенка!

– Хорошо, ее на столе танцевать не заставили. – Цербер не отрывал глаз от Насти, хмурясь недовольно. Подруга рассказывала, что он большой поклонник рока и в юности объехал автостопом полмира, чтобы побывать на концертах любимых исполнителей. Вот и сейчас казалось, что Данила больше всего на свете хотел подойти к Насте и поорать вместе с ней в микрофон. Но он был уважаемым взрослым мужчиной и, конечно же, никогда бы не позволил себе ребячество на публике.

«Я рыдаю, когда бездушно уверяют, что ангелы заслуживают смерти», – завершила песню подруга, и слушатели взорвались аплодисментами. Настя только что выиграла ставку, записанную в Книге пари, и все, кто поставил на положительный исход, получат выигрыш. Потому победители и веселились так откровенно.

Терехова театрально поклонилась, отбросила влажные волосы со лба и спустилась с помоста. Увидев Данилу, она удивленно спросила:

– А что, детское время уже закончилось? Мне пора баиньки?

– Нет. Просто я раньше освободился.

– И поэтому я должна бросить друзей и бежать за тобой?

– Да нет, Анастасия Николаевна, никто никуда не торо-

пится. Иди собирай слезы фанатов. А я принесу воды, а то еще помрешь тут от обезвоживания.

Наблюдая за мирной перепалкой Цербера и Насти, Саня не сразу поняла, что за ней тоже наблюдают. Внутри резко рассыпался лед, когда она узнала человека: это был *он*. Сын Василевского. В десятке шагов… На мгновение мир перед глазами поплыл, и она покачнулась от разряда, стрессом ударившего в виски.

Откуда он здесь? Он ведь под следствием, на подписке о невыезде из Питера.

Саня медленно отвернулась, стараясь выглядеть спокойной, и шумно выдохнула, когда рядом появился Стас. Не говоря ни слова, он закрыл ее собой, отрезая от преследователя, крепко сжал ее плечо и повел вглубь толпы, не к главному выходу, а к запасному. «Мне пора», – успела бросить Саня на прощание Насте. Подруга, все еще на адреналине после выступления, кивнула, не пытаясь удерживать или задавать лишних вопросов. Между ними с самого начала так повелось: они понимали и принимали друг друга, какие есть. Если ни с того ни с сего Саня сказала, что ей пора – значит пора. Вот и все.

Выбравшись на улицу, она прошептала, сдерживая панику:

– Там Павел Василевский.

– Я видел.

Они перешли дорогу и затерялись среди отдыхающей мо-

лодежи, а потом Стас резко свернул в кубинский ресторан, буквально втолкнув Саню в дверь, и прижал к стене в холле, закрыв собой от посторонних.

Запах специй и ритмичная музыка слились с паническим страхом, которому Саня не позволяла разрастись внутри. Она тяжело дышала после незапланированного побега, ощущая тепло Стаса и слушая указания, которые он произносил размеренно, успокаивая ее, касаясь губами волос.

– Он не один, скорее всего. Они поедут следом и выяснят, в каком районе вы живете. А если им повезет, то зажмут мою машину с двух сторон. Так что пойдем пешком, у меня квартира недалеко, адрес нигде не светился.

– Хорошо.

– Умница.

Он снова взял ее за руку и подозвал менеджера. Пошептался и незаметно сунул тому купюру, чтобы им позволили пройти к черному ходу. Выбежав во двор с обратной стороны здания, они торопливо пошли по улочке, поплутали немного и наконец выбрались к Ермолаевскому переулку. У Сани от ветра растрепались волосы, которые до того лежали аккуратными волнами, а каблуки хотелось потерять или сжечь.

Стас снял свою мягкую кожаную куртку и набросил на плечи Сане.

– Вы дрожите.

– А вы – «вооруженный мужчина роста выше среднего, в бронежилете».

– Ничего, мы почти на месте. – Он вдруг остановился и преградил Сане дорогу, положив ладони ей на талию. – Ключи возьму, – пояснил он и сунул руки в карманы кожанки.

«Со стороны мы выглядим, наверное, как влюбленная парочка», – подумала Саня, и пружина страха внутри окончательно отпустила. Чтобы разбить напряжение, она процитировала «Мастера и Маргариту»:

– «В час жаркого заката в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».

– Учитывая, что одному из них сразу отрезало голову трамваем, то сравнение неудачное. – Архипов хмыкнул и, оглядевшись, направился в подъезд многоэтажного старинного дома. На первом уровне был дорогой ресторан, а Стас, как оказалось, обитал на последнем. Саня даже не подозревала, что в этом здании есть обычные квартиры.

Жилище Стаса оказалось просторным, но почти без мебели. Не холостяцкая берлога, а скорее модная «келья». Правда, хозяин меньше всего похож на монаха.

Гостиная поразила не столько минимализмом, сколько предметами интерьера. Большой барочный диван, обтянутый потертой от времени темно-зеленой замшей, огромное зеркало почти во всю стену и десятка два диванных подушек разного цвета. Стопки потрепанных журналов на подоконнике, окно без гардин. Старый паркет. Ни стола, ни кресел.

Стас предложил чаю, но потом опомнился, что нет заварки.

– Обычной воды будет достаточно, – попросила Саня, и он принес ей… золоченый гравированный кубок.

– Есть деревянная кружка из Ирландии, – оправдался Архипов.

На Саню вдруг навалилась такая усталость, что она, не думая об условностях, забралась с ногами на диван и, сбросив туфли и куртку, откинула голову, глядя в потолок. Потолок был расписан фресками.

Стас включил рацию и быстро переговорил с охраной, которая осталась дома, объяснил ситуацию, не называя адресов или имен, стащил снаряжение и оставил оружие в сейфе в углу комнаты. На охраннике была черная футболка без символов; вдоль правой руки тянулся жуткий свежий порез, который по-хорошему нужно держать под бинтами.

– Утром заберу машину и доставлю вас домой. А сейчас позвоните Валентину Геннадьевичу, скажите, что все в порядке. Только эти слова, никаких деталей, – мягко напомнил он, возвращая в реальность.

– Володя! – резко выпрямившись, вспомнила Саня. – О Господи, нужно отправить ему сообщение.

Она открыла серебристую сумочку размером не больше портмоне и вытащила айфон. Двенадцать пропущенных звонков и три сообщения от Володи. Ох. Надо же было отключить звук! Нехорошо получилось.

От резкого скачка эмоций появилась рассеянность, стало трудно реагировать на окружающий мир. От стресса Са-

нин организм всегда падал в обморок, не оставляя выбора. Немного помогал крепкий кофе, но вряд ли он имелся в этой квартире. Хладнокровие закалялось также бесконтактным боем, который она практиковала последний год, но иногда нервы все равно сдавали. Вот как сейчас. Можно было помедитировать, но еще лучше – просто лечь поспать.

Саня отправила смс-ку своему явно рассерженному парню, позвонила отчиму и, передав трубку Стасу, слушала, как они обсуждали дела, опять же без каких-либо значимых подробностей. С каждым словом из нее как будто вытягивали силы, и глаза сами собой начали закрываться…

– Саша! Саша, слышите меня? – тряс ее за плечи Архипов.

– Что-то случилось? – попыталась она придать охрипшему голосу заинтересованности, хотя в данную минуту ей было все равно.

– Я лягу на полу, но послушайте… Не вздумайте ко мне подходить, если вдруг покажется, что меня опутали бесы. Это обычные кошмары уставшего от жизни упыря. Ни в коем случае ко мне не подходите, понятно? В тюрьме я однажды чуть не задушил охранника, который додумался меня будить.

Она кивнула, ощущая, как он осторожно поглаживает пальцами ее обнаженные плечи; позволила подложить себе под голову подушку, укрыть курткой, которая сразу же согрела, обдавая ароматом морского прибоя… Почему именно такая ассоциация? Может, потому что глаза у Стаса –

как беспокойное море, штормовое, зеленое, как где-нибудь в Сардинии… и дух у него, наверное, такой же беспокойный.

Как же хорошо, что не нужно двигаться.

«А все проклятый стресс, – была ее последняя мысль. – Мне сильные эмоции противопоказаны…»

Среди ночи Саня подхватилась, разбуженная неясным шумом, и не сразу вспомнила, где находится. Более того, она не представляла, где включатель, потому пришлось озираться в полутьме. Помогло, что «голые» окна пропускали достаточно лунного света, чтобы рассеять мрак.

Клуб, встреча с преследователем, квартира Стаса – события выстроились в памяти четкой линией, помогая прийти в себя.

Архипов спал на полу, среди кучи диванных подушек. Он бормотал неразборчивые слова, замолкал, а потом глухо стонал, будто от жуткой боли. Саня поднялась и, босая, подошла ближе, не зная, что делать. Она помнила, что Стас просил не трогать его, но разве можно спокойно смотреть, как корчится в кошмаре человек? «И все же. Он просил», – настаивал разум, но потом Архипов вдруг повернулся так, что Саня, уже привыкшая к полутьме, разглядела яркий порез на руке: неужели воспалился?

«Он не сможет причинить тебе вред, даже если захочет. Просто помоги ему», – увещевало сердце, а разум приказывал вернуться на диван. Здравый смысл обычно побеждал в

этой внутренней борьбе, но не сейчас.

Преодолев сомнения, она до боли закусила нижнюю губу и, приблизившись, опустилась рядом со Стасом на колени. В узком облегающем платье сделать это было затруднительно, и она слегка подтянула эластичную ткань вверх по бедрам. Сердце билось гулко и быстро от волнения, но Саня глубоко вдохнула и приложила ладонь ко лбу своего телохранителя, совсем беззащитного в этот момент.

– Стас… Стас, по-моему, вас лихорадит, – прошептала она, не имея сил высказать опасения громче.

Он замер и медленно открыл глаза, и в них не было ни капли осознанности…

***

Каждый раз в кошмарах к нему приходила безликая пустота. Она затягивала, и Стас исчезал, задыхаясь от безысходности. Он хотел бы иметь страшные воспоминания, вроде пыток в раннем возрасте или издевательства тиранов-родителей, но этого не было. Ничего в его жизни такого не произошло, чтобы он стал подонком. Не было оправдания – кроме этой пустоты внутри, от которой нельзя спрятаться ни в оргиях, ни в наркотиках, ни в служении людям.

Он жил без цели, без смысла. Безликое ничто приходило к нему во сне, и он понимал, что смотрится в зеркало. Его накрывало потоком воспоминаний, которые могли пробудить хоть какие-то чувства, кроме паники, и в спящем сознании мелькали картины жестоких боев в школе, лица благодарных

заложников, которых освобождала группа «А»…

Но сегодня пустоту перебило еще одно лицо. Мария Данберг… Та девочка, которая из-за него пыталась покончить с собой в шестнадцать лет. В клубе ее брат, известный теперь ди-джей, упомянул о ней, и Стас сразу понял, что будет плохо спать ночью. Он испытывал настолько сильное чувство вины перед Машей, что позволил себе отвлечься на разговор и едва не упустил момент, когда Прохорову настиг преследователь.

Маша. Мария… Принцесса, которую он знал с детства и которую ни разу не пожалел, даже когда она умоляла.

Их семьи дружили, сколько помнил, и родители в шутку обещали поженить детей, когда те станут совершеннолетними. И Стас знал, что это не шутка. Отец хотел укрепить позиции через слияние капиталов с Данбергами.

Кирилл Данберг, медиамагнат, обожал свою дочь и потакал ей во всем, покупая любую желанную вещь. А требовала Мария не яхту, не бриллиантовые сережки, а Стаса Архипова, который не продавался.

Он знал, что Маша хотела за него замуж, но его не заботили чужие хотелки. Да, симпатичная девочка, можно даже переспать, если сильно попросит. Но Стас сразу ей сказал, что не станет петь ей серенады и тем более не женится. Ему было на всех плевать, в том числе и на себя.

Маша не отступалась и в итоге добилась своего, когда их вместе отправили в британский колледж на два года. Весной

во время выпускных экзаменов у них случился короткий, но бурный роман.

Стас не обещал Маше верности, как не обещал и остальным, а она видела в нем кумира по надуманным причинам и отказалась принять, что он ее выбросил, как использованную вещь, оборвав отношения. На прощальной вечеринке от отчаяния она наглоталась таблеток, когда застала его с другой. Стас наорал на Машу тогда, а она ведь просто хотела хоть немного тепла… Но он и сам ходил по краю, мечтая сорваться наконец в пропасть, и последовал следом за ней буквально через пару дней, искренне надеясь, что сдохнет. Что звон пустоты замолкнет наконец.

Марию, к счастью, откачали, и она явно не сказала о Стасе ни одного дурного слова, раз даже ее брат отнесся к нему, как к старому знакомому. Стас попросил ди-джея не упоминать сестре о том, что ее бывший одноклассник вернулся в Москву, но тот вряд ли промолчит.

…Можно ли расплатиться за чужую сломанную жизнь? Стас не давал Маше обещаний, но зачем было растаптывать? Оставалось надеяться, что они никогда больше не встретятся.

…И снова мешанина из ретро-снимков в голове: кровь, и боль, и пустота, и чужие лица. До надрыва, до натянутых нервов.

«Стас, – позвал его голос. – Стас…»

Сердце услышало, и он открыл глаза. В лунном свете над

ним склонилась обеспокоенная Саша. Но она ведь обещала, что не подойдет. Значит, кошмар наконец сменился приятным сном, в центре которого – она, светлая девочка, недосягаемая для Стаса, потому что он так решил. Он не посмеет нарушить красивую картинку ее жизни, не станет, как наркоман, питаться ее смехом, пока смеха и вовсе не останется. Его пустота просто-напросто сожрет ее.

Внутри поднялась такая волна горечи и злобы, что он не удержался. Ему было холодно, а Саша могла согреть. Он просил не приближаться, но она все равно пришла, принеся с собой цветочный аромат.

– Давай поиграем в загадки. – Он поморщился и облизал сухие губы, а потом спросил с упреком: – Как наказывают непослушных девочек?

Саша не успела ответить, потому что он резко приподнялся и, обхватив ее за талию, подмял под себя, ощущая приток жизни к горлу. Стас склонился к ее уху и лизнул мочку.

– Их заставляют стонать.

У Саши сбилось дыхание, но она не возразила, не начала вырываться, только посмотрела на него загадочно, и кровь закипела в венах. У девчонки был большой красивый рот, губы вишневого оттенка – наверное, очень мягкие…

Стас одним движением стянул с себя футболку, чтобы чувствовать кожей биение чужого сердца, и надавил большим пальцем на этот широкий рот, заставляя девушку приоткрыть его.

– Ты ведь за этим ко мне пришла.

В ее прямом взгляде совсем не было страха, только то самое странное любопытство, а еще за стеной самоконтроля и кротости тлела страсть, которую он чувствовал, которой дышал сейчас.

Саша снова ничего не ответила, и Стас провел губами вдоль кружевного выреза платья, пытаясь добиться хоть какой-нибудь реакции. Шелковистая кожа, почти не тронутая загаром, оказалась медовой на вкус.

Черт… слишком реальный сон. Но девушка сияет лунным светом, как мечта, как образ из самой порочной фантазии. Так не бывает в проклятой реальности.

Саша оставалась чересчур невозмутимой: не провоцировала, но и не отталкивала. Тело медленно наливалось горячим свинцом желания, причиняя боль; потребность слиться с мечтой в одно выжигала вены, но этот спокойный взгляд останавливал, и Стаса буквально ломало от сдерживаемой, рвущейся на свободу энергии. Он давно не испытывал настолько сильных чувств, и с непривычки его накрыло с головой, но разум противился, пытаясь усмирить голодные инстинкты.

Он поднялся на колени, утянув девушку за собой, и развернул к себе спиной, крепко прижав к своей груди. Они тяжело дышали в унисон, глядя на собственное отражение в огромном зеркале напротив, и Стас никак не мог сделать следующий шаг.

– Ты мне снишься, – сказал он, убеждая себя, и когда она не возразила, то провел ладонями вверх к ее груди, сминая ткань. Просунул пальцы в вырез платья и потянул вниз эластичный лиф. Глубоко дыша, Саша все еще не шевелилась, а он медленно отщелкнул застежку бюстгальтера впереди, и тот беззвучно упал на пол.

Накрыв ладонями небольшие упругие груди, Стас поцеловал нежную шею, ощущая губами учащенный пульс.

– Сначала я взял бы тебя в рот… у тебя невероятно сексуальный рот, Саша…

Он опустил руки к ее коленям, и, подтянув тонкое платье по бедрам, медленно очертил их изгиб, а потом скользнул ладонью под шелк нижнего белья, поглаживая чувствительную кожу кончиками пальцев.

– Ласкал бы тебя, не позволяя кончить, чтобы ты начала меня просить…

…Но она не просила, и он был ей благодарен.

– Мне бы многое хотелось сделать с тобой, но я не стану, даже во сне не стану. Не бойся.

Он нехотя убрал руку, расправил платье на стройных бедрах и посмотрел в зеркало, где в полумраке очертания девичьей груди казались скульптурными. Соски были такого же оттенка, что и глаза – карамельными. Невероятно возбуждающее сочетание. Он обхватил ладонью Сашин подбородок и тронул губами щеку, наслаждаясь нежностью.

– Не боишься? Хорошо, – успокаивающе прошептал он и

уже собрался отодвинуться, когда Саша вдруг развернулась и обняла его за шею. От этого соприкосновения зашумело в голове, демоны запросили новую жертву.

Светлая девочка прильнула к нему и погладила затылок, готовая к большему, и он не удержался. Осторожно сжал ее горло, отклоняя назад, заставляя выгнуть спину, и жадно втянул в рот затвердевший сосок.

…Боже, как сладко она застонала. Он просто обязан попробовать на вкус ее стоны. Стас выпрямился, запустил пальцы в ее густые мягкие волосы и с наслаждением провел языком по приоткрытым губам. Вишневый… у ее стонов вишневый вкус, а у Стаса, похоже, замыкание в области рассудка произошло.

Напряжение между ними достигло предела; казалось, еще одно движение – и планета остановится.

Сердце грохотало, отдавая пульсирующей болью в висках, когда он сказал:

– Уйди, или я тебя обижу, светлая моя.

Он и сам не знал, откуда взялись силы прогнать ее. Он грубо оттолкнул Сашу и лег на холодный пол, чтобы успокоить дыхание.

Стас долго не шевелился, не слышал звуков вокруг, кроме биения собственного сердца. Когда болезненное желание наконец стало терпимым, он закрыл глаза и скоро провалился в новый сон, без видений, без терзаний. Остался только цветочный аромат Саши.

Глава 3

Мамочки, что это было?

Саня забралась на диван, забилась в угол и обхватила руками колени.

Нет, она прекрасно понимала поведение Архипова. Сонный, опасный, просил не подходить. Опять же, в нем бурлило слишком много нерастраченной, подавленной энергии, которую он считал злом. На здоровье, каждый имеет право позлиться, если причина веская.

Саня не испугалась, когда он так жестко обнял ее. Она могла высвободиться из захвата в считанные секунды: помогли бы эффект неожиданности и черный пояс дзюдоистки. «Отключить» сонного, обезвоженного мужчину, пусть и вдвое больше себя, не такая уж непосильная задача… Но стало жаль поранить Стаса. Его лихорадило, он буквально горел, поэтому даже не понял, что уже не спит… Саню затянула в омут такая нестерпимая тоска, которая шла из глубин архиповской души, что она почувствовала бы себя преступницей, оттолкнув его. Наоборот, захотелось дать ему шанс остановиться без приказа. Она доверила Стасу свою жизнь, а для этого желательно доверять ему. И действительно, даже пребывая в состоянии аффекта, он смог отпустить ее. Вот это сила воли.

Но Саню терзал другой вопрос: почему она не ушла?! Как

могла потянуться к нему? В ней будто оборвалась нить, которая соединяла с разумом, и засиял оголенный провод первобытного безумия. Гордость, принципы – в тот момент их не существовало. И это очень страшно.

Даже с Павлом Василевским было по-другому. Их когда-то связала страсть, обычная жажда, которую, тем не менее, удавалось контролировать и оказалось очень легко убить. А вот с Архиповым она перестала себя осознавать, и это невозможно объяснить.

«Пай-девочкам нравится, когда их имеют плохие мальчики».

Она-то думала, что «не такая», что хомо сапиенс, а не стерва. Но из прихоти, в порыве эмоций чуть не угробила Стасу жизнь. Ну переспали бы они – и что дальше? Он решил бы, что животное и не имеет права оставаться рядом. Прохоров – умный человек, догадался бы о причинах; порицать не стал бы, конечно, но проблем добавилось бы.

А Володя? Врать Саня умела плохо, она рассказала бы, что изменила – и конец ее мечтам о домике Барби и Кена.

Она дрожала от притока адреналина, стало холодно, и пришлось на цыпочках красться на кухню. Там нашлась серебристая турка, чтобы накипятить воды и согреться.

Ночь была звездная, светлая…

«Светлая моя» – так он ее назвал.

Господи-и, если бы он только знал, сколько всего успела наворотить его невольная спутница в своей недолгой жизни.

Хоть ты заплачь. Но она не была плаксой, и тяжесть из груди никуда не делась.

Спальня в квартире оказалась совсем без мебели, с серыми стенами, еще раз подтверждая звание «кельи», и оставшиеся часы до рассвета Саня просидела в углу гостиной, устроившись на подушках. Набрала старых журналов с подоконника, чтобы отвлечься, и листала их бездумно, подсвечивая телефонным фонариком, пока вдруг не наткнулась на рекламу мужской одежды.

Узнать в модели Стаса было сложно, но можно. Совсем еще молодой, с дерзким взглядом и кривой ухмылкой. У него были волосы до плеч, собранные в хвост, с тонкими выбритыми полосками на правом виске. Теперь длинной осталась только челка… Саня провела пальцами по картинке и посмотрела на своего охранника, который спал сном младенца посреди комнаты. По сравнению с картинкой, сейчас он был шире в плечах, но более худощавым, на руках проступили вены от постоянных физических нагрузок.

Саня хотела подойти и проверить, есть ли у него жар до сих пор, но Стас лежал очень тихо и выглядел вполне здоровым; больше не метался, дышал ровно.

В других журналах тоже нашлись фотографии Архипова. Реклама белья, туалетной воды, отдыха… Все для известных мировых брэндов. Издания очень старые, тогда Стас, судя по году, учился в Малверне и выглядел, как грех. В одном из номеров он рекламировал туалетную воду «Падший ангел».

Очень содержательное описание его образа.

Сложись все по-иному, сейчас он жил бы в Штатах, зарабатывая кучу денег на рекламе. Повторил бы судьбу многих «золотых деток». А так… а так он лежал на полу в пустой квартире в Москве и смотрел кошмары.

Чего только ни бывает в жизни.

Саня сложила пальцы в прямоугольник, имитируя видоискатель фотокамеры, и сделала мысленный снимок Архипова. Для будничного журнала «Жизнь – это жесть». Ей хотелось бы взять свою любимую камеру «Кэнон» и сфоткать Стаса по-настоящему. В будущем обязательно так и сделает. У него было настолько интересное лицо, что хотелось запечатлеть для потомков.

Фотографией Саня занималась с девятого класса, когда мама подарила первую камеру, пленочную. Тогда уже никто не пользовался пленочными аппаратами, но Сане понравилось разбираться в процессе съемки и проявления изображений. Лабораторию она устраивала в ванной комнате и ругаясь на маму, если та забывалась и включала свет.

Саня любила фотографировать людей. Не постановочные портреты, а живые эмоции. Она чувствовала себя вуайеристом, а по большому счету, просто любила изучать людей, пытаясь их понять. Ей однажды сказали в школе, что взгляд у нее тяжелый и любопытный, как у волчонка. Саня этим очень гордилась, потому что любимой историей на ночь в детстве у нее была повесть «Белый клык».

…Чем дольше Саня смотрела на Архипова, тем ярче проступала мысль: он не знает, ради чего жить. Ради себя определенно не собирается. У него с детства все было, кроме смысла существования. Вернее, смысл заключался в удовольствиях и легкодоступных целях, но они приелись. А серьезного вызова, которым бы он горел, не нашлось. У Стаса нет планов на будущее, нет мечты. Вроде бы распространенная проблема, но времени на ее решение нужно немало.

К счастью, время у них имелось в избытке.

Когда в окна проник рассвет, Стас открыл глаза и долго смотрел в потолок, чему-то едва заметно улыбаясь.

Саня к этому времени успела принять душ, почистить зубы пастой, но без щетки, чтобы не пользоваться чужой; спутанные, нечесаные волосы немного подсохли, и она разделяла пряди пальцами, придавая себе приличный вид.

– Доброе утро, – стараясь звучать невозмутимо, сказала она, и Архипов быстро поднялся. Оглядевшись, нашел футболку и натянул ее… И вот когда он ее натягивал, то наконец очнулся. Руки замерли, а потом очень медленно обтянули одежку. Стас нахмурился и посмотрел на Саню так пристально, что она не выдержала напряжения и, выбравшись из «берлоги», быстро ушла на кухню.

– Хочешь пить? – спросила громко.

– Нет. Я в душ.

Ясно, сбежал. «Ну беги, Арес, беги. Войну с собственными демонами все равно выиграть можешь только ты».

О. Какое интересное прозвище – Арес. Очень ему подходит. Архипов – Арес. Один против мира, бог войны с самим собой.

Саня переставляла пустые баночки на длинном столе, чтобы заняться хоть чем-нибудь, когда услышала шаги позади. Стас подошел вплотную и уперся руками в столешницу, заключая Саню в плен, обдавая ее ароматом мятного лосьона после бритья. Она стояла к нему спиной, и воспоминание о ночных объятиях резко кольнуло внутри.

– Не напомнишь, когда мы перешли на «ты»? – Голос у него был низкий, хриплый после сна.

Саня решила, что не дрогнет; они все обсудят и придут к соглашению.

– Ночью. – Она положила руки на гладкую, холодную поверхность, и Стас накрыл их своими ладонями, осторожно, словно боялся сломать. Он долго молчал, вдыхая аромат ее волос… которые пахли его шампунем, кстати. Потом он нежно сжал ее плечи и прошептал на выдохе:

– Прости меня.

Саня зажмурилась, чтобы не обернуться и не обнять, прижавшись щекой к горячей груди. «Ты не виноват», – сказала бы она ему. Но хотелось сохранить дистанцию, которую уже нарушили ночью.

– Стас, нам нужно поговорить. Выяснить отношения, которых у нас нет.

– Если хочешь, я найду себе замену, – предложил он пред-

сказуемый вариант событий.

– Нет, нет… Давай сходим куда-нибудь позавтракать. Ты, наверное, очень голодный. Да и я бы не отказалась от чашки кофе.

– В этом доме хороший ресторан, открывается в шесть утра.

Она кивнула и попыталась уйти, но Стас не сразу отпустил, продолжая бережно касаться ее, безмолвно извиняясь, и она не выдержала, попросила, задыхаясь, срываясь в голосе:

– Пожалуйста, пойдем. Просто давай уйдем отсюда.

***

В ресторане было малолюдно, поэтому им предложили выбрать любое удобное место. Расположившись в самом дальнем углу, они молчали. Саша потягивала капучино без сахара и смотрела на Стаса, а он поглощал классический английский завтрак и смотрел на нее. Но в этом обмене взглядами не было ни страсти, ни напряжения, только неподдельный интерес.

Арес снова был в своей стильной потертой куртке, скрывая оружие, а она – в вечернем платье, из-за чего официант, конечно же, решил, что к ним с утра пораньше пожаловала парочка любовников.

– Я сегодня обязательно составлю расписание на следую-

щий месяц и список всех, с кем общаюсь… Если еще что-то нужно, дай знать.

– Компресс на сердце, оно перетрудилось ночью и теперь ноет, – с самоиронией произнес он и снова виновато посмотрел на Саньку: – Скажи что-нибудь, иначе я изведу себя раскаянием и уйду в монахи.

– Ну-у, если в тибетские, то я тебя поддержку. Всегда мечтала побывать на Тибете.

– Договорились, возьму тебя с собой в следующий раз. Будешь прикрывать меня от разъяренных тибетцев, которые когда-то посчитали, что я посланник Тьмы. Они бежали за мной и выкрикивали проклятия.

Саня засмеялась.

– Правду говорю, один из деревенских бросил мне в спину хвост крысы. Оказалось, согласно предсказанию, в тот день должен был явиться демон, а к ним пришел я с перепоя… Мне было семнадцать.

Саня спрятала лицо в ладонях, заглушая смех. Она была без косметики и могла вдоволь потереть глаза, чтобы смахнуть слезы веселья. Но потом тон рассказа перестал быть забавным.

– Мы туда с матерью поехали осенью, шел мой последний год в проклятом Малверне. Мать все мечтала сделать из меня человека. Такая инфантильная, как из параллельного мира. «Стас, я хочу, чтобы ты немедленно изменился!» И все ждала, что я прозрею… На Тибет модно возить деток,

это как иметь в доме статую Будды. Философию хрен кто понимает, зато круто смотрится. Но что самое удивительное, я действительно проникся, впервые осознал карму, ответственность. И понял, что платить мне придется долго и упорно, и в следующей жизни, и позаследующей – потому что меняться я не собирался. Наверное, тогда у меня и поехала крыша… Начались кошмары. В общем, спасибо маме за каникулы. Она тогда купила пять статуэток Будды, друзьям на сувениры.

Он искренне посмеялся воспоминаниям и отпил воды из стакана, а Саня не знала, что сказать. Ей больше не было смешно.

– А как ты каникулы проводила? – поинтересовался Стас, чтобы сменить тему.

– Изучала карту мира, – усмехнулась она в ответ. – Мы с мамой ни разу за все мои школьные годы не ездили за границу. Мне до сих пор сложно тратить деньги, я очень бережливая. Жадная, если быть точной.

Стас помолчал, задумавшись, а потом выдал:

– Чтобы тратить, много ума не надо. Я однажды десять тысяч долларов потерял.

– Где?!

– Так откуда мне знать. Я же потерял. Знал бы где, сходил бы забрал… А может, и не стал бы заморачиваться. Но не суди меня, то была моя зарплата за рекламу, а не сбережения бабушки. Я к деньгам легко отношусь. Есть – хорошо, нет –

заработаю, с голода не умру. Тем более я один.

А между строк читалось: тем более мне плевать на себя.

– У тебя много общего с моей подругой, Настей Тереховой. Она тоже о карме и бумерангах часто говорит… Кхм-кхм… Кстати. Я же придумала тебе прозвище – Арес. Надеюсь, ты не против.

– Очень… содержательно и по делу.

– Ах, да, по делу. Слушай, не терзай себя из-за прошлой ночи и тем более не уходи в монахи. Я могла обезвредить тебя в первую же минуту, но не сделала этого, потому что… сначала мне не хотелось тебя обижать, а потом стало трудно устоять. Грешна. Каюсь.

Стас заинтересованно сложил руки на груди и, высокомерно приподняв бровь, спросил:

– Обидеть боялась? Посмотри, вон по полу покатилась моя раздавленная гордость. И вообще, каким таким образом ты могла меня одолеть, светлая моя?

– Мне, как и тибетцам, известно заклинание против Тьмы. И звучит оно просто: катамэ вадза, – таинственно сказала Саня, имея в виду технику обездвиживания в дзюдо.

– Та-а-ак, – протянул Стас заинтригованно. – И какой у нас разряд?

– Четвертый дан.

Архипов присвистнул и отодвинулся подальше, притворяясь напуганным.

– То-то я удивился, когда такая милая девочка едва мне

руку не вывернула при пожатии.

Саня равнодушно повела плечами.

– Я преподаю уроки самообороны для школьников раз в неделю. Это будет обязательное мероприятие в списке моих дел. Так что привыкай. В школе я выступала на соревнованиях, получала медали и при желании могла бы сделать успешную спортивную карьеру. Но борьба для меня – хобби и стиль мышления, а не работа. Я все же стремлюсь к более высокому статусу в обществе.

– Тщеславная?

– А то.

Стас взял вилку с ножом, явно намереваясь доесть завтрак, но обреченно покачал головой и бросил несчастные столовые приборы назад.

– Нет, ну так же нельзя. Теперь я не смогу спокойно спать, пока не уложу тебя на лопатки.

Саня, которая как раз поднесла чашку ко рту, подавилась и закашлялась, а Арес, подлец эдакий, хитро улыбнулся. Но взгляд был полон восхищения и тепла. Значит, успокоился наконец, готов к труду и обороне. Замечательно. Такой Стас ей нравился больше.

– Ты кто по знаку Зодиака? – неожиданно спросил он. Странный вопрос от мужчины.

– Рыбы.

– Серьезно? Хм… Я Скорпион. Черт, мы с тобой – идеальная пара.

Саня удивилась, не зная, смеяться или снова проверить у Ареса температуру, а он бросил деньги на поднос со счетом и сказал:

– Дождись меня в квартире, вот ключи. – Телохранитель побренчал связкой, доставая из кармана. – Я подгоню машину. Тебе в клубе нельзя показываться в ближайшее время. Поедем к Валентину Геннадьевичу, мне нужно обсудить с ним кое-какие детали. А по дороге ты мне откроешь свои темные тайны. Кажется, ты еще интереснее, чем думалось изначально.

– Эх, ты, такой взрослый, а такой наивный, – пожурила Саня. – Я не интереснее, а гораздо *хуже*, чем обычно думают люди. Не ты один проклят всеобщим обожанием. Так что смотри, не додумайся в меня влюбиться. А то будешь слезы в подушку лить.

Она поднялась, захватив ключи, и отправилась наверх, сопровождаемая громким, довольным смехом Ареса.

Глава 4

Весной на первом курсе, когда Сане только-только исполнилось восемнадцать, в ее жизни появился Павел Василевский.

Они познакомились в конце апреля – случайно, на чемпионате по дзюдо для юниоров в Питере, куда Саня отправилась поддержать знакомых. Она в соревнованиях больше не выступала, ограничившись поясом чемпионки области среди кадетов, но уже почти год вела курс самообороны для подростков в спортивном клубе.

Паша к дзюдо не имел никакого отношения, но пришел ради своей племянницы, которая участвовала в состязании.

Они столкнулись на проходе между трибунами, и Саня расплескала кофе на рубашку незнакомого парня. Роковое мгновение… Он был темноволосым, смуглым красавцем с татуировкой крыльев на предплечье, а взгляд такой опасный, что сердце бьется быстрее.

На вид ему было лет двадцать пять. Он улыбнулся и попросил номер телефона, чтобы прислать счет за химчистку. Саня похвалила его за остроумие и оставила номер. Через три дня он появился в Москве. Позвонил, когда она выходила из универа, и пригласил в ресторан; они встретились – и завертелось…

Паша был как ураган, ворвался в ее жизнь и смел напором все барьеры. Саня понимала, что влюбилась, но чувствовала себя неуютно, как будто предвидела…

Василевский был деспотом. По сравнению с ним, Володя – ангел во плоти. И даже Стас кажется ягненочком.

Паша любил доминировать в сексе, в мыслях… Он словно выбрал Саню, как оборотень – истинную пару. Он хотел – он брал, а Саня млела от острых ощущений, которые пьянили новизной. Все влюбленные дуры одинаковые, ей богу.

Павел не был у Сани первым: в старшей школе она встречалась с одноклассником, с которым переспала после выпускного. Тот парень был неопытным, нежным, добрым… и его оказалось очень легко забыть. Полная противоположность Василевскому.

Саня была оптимисткой до мозга костей, но легкомысленной не являлась. Она со школьных лет научилась не плыть по течению, а строить планы, держать в ежовых рукавицах собственное будущее. Это был единственный путь наверх из беспросветности и бедности, которые у нее на глазах сломали немало людей. Саня старалась, как могла. Просто иногда ее, увы, заносило – дефект несгибаемых оптимистов.

Она всегда пылала энергией, всегда сама принимала решения. Мама Таня никогда не контролировала Саню, полностью ей доверяя. Они были скорее подругами, соратницами, которые пытались выстоять в одиночку против деградации.

Единственная истина, которую мама настойчиво вбивала

в сознание Сани, была простой и понятной: ни в коем случае, никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя навязываться людям. Выстрадай, вытерпи, но не унижай себя и других, потому как это низко и недостойно.

А тем более девушка не должна первой подходить к понравившемуся парню или навязывать ему свои чувства, потому что настоящий, любящий мужчина в этом не нуждается. Он должен уважать свою спутницу. Самоуважение для девушки – главное. Пирамида потребностей человека согласно Татьяне Валеевой.

Эту истину мама Таня выстрадала на собственном примере. Она забеременела Саней на втором курсе, влюбившись в недостойного человека, который соврал, что не женат. Таня первой подошла к нему познакомиться, а в итоге, беременная и опозоренная, вынуждена была бросить университет и вернуться домой, в Звенигород. Мамины родители были в разводе. Дедушка Сани жил в восточной части России, навещал раз в несколько лет. Бабушка болела, и когда Саньке было три года, та умерла. Они с мамой Таней остались одни в старой однокомнатной квартире. Мама хотела стать учителем, а в итоге работала в школе секретарем. Надо сказать, дети ее обожали.

Что до кровного отца Саньки, то он не желал о ней слышать, сказал, что это не его ребенок. Больше с ним и не связывались.

Они годами существовали на одну зарплату, постоянно

испытывая нужду, но гордость не продается. Мама – романтик, никогда не связалась бы с кем-то из корысти. Она вся такая… даже сложно подобрать определение. Мама Таня – как мечта, которая так и не нашла, кому принадлежит. Красивая, трудолюбивая, способная посвящать себя без остатка.

Когда Сане исполнилось двенадцать, Таня вдруг влюбилась и вышла замуж. Отчим был человеком умным, заботливым, скромным. Работал в мэрии города.

Жизнь неожиданно преобразилась.

Подростком Саня стала ярче выглядеть, лучше одеваться и все так же неслась вперед, как реактивный самолет. Она мало бывала дома, все время съедали дополнительные занятия и кружки. Она посещала музыкальную школу по классу фортепьяно, занималась дополнительно английским языком и зачем-то плела из соломки. Мама уверяла, что школьные годы нужно потратить на приобретение максимального количества навыков, и Саня была с этим полностью согласна. В ней кипела жизнь, хотелось все знать, везде поспеть.

Однажды по дороге домой на Саню напал нетрезвый мужчина, который перепутал ее со своей женой, и еще одним пунктом расписания стало дзюдо. К этому виду спорта у Сани оказался огромный талант. В пятнадцать лет она прошла аттестацию на черный пояс, и мастер начал заниматься с ней отдельно, открывая дзюдо не только как спорт, но и как старинное искусство.

Эти занятия в будущем спасли ей жизнь, но до тех собы-

тий было еще далеко, а пока – Сане пятнадцать лет. «Незабываемый» год, когда ее поцеловал отчим. Вот так просто, после новогоднего застолья, когда мама ушла спать, подошел пожелать спокойной ночи и поцеловал в губы.

От неверия Саня не сразу отреагировала, позволив ему прижаться к себе теснее, а потом ее спасло заклинание от Тьмы: кансэцу вадза. Саня грубо уложила отчима на пол и выкрутила ему локтевые суставы. Сначала один – за себя, потом второй – за маму. С Новым годом.

– Сволочь, – зарыдала она. – Как ты мог! Ну зачем?!

Мама Таня пообещала не заявлять в полицию, если он просто оставит их в покое. Отчим страшно испугался, слабак, и поклялся, что никогда никого не трогал и не собирается; что просто перепил на праздники…

Саня чувствовала, что нельзя было молчать: вдруг он все врет и отважится обидеть другую девочку? Эта мысль так мучила, что было трудно засыпать. Свершившееся зло, которое Саня «проглотила», жгло изнутри. Тогда она и выбрала будущую профессию – судьи. Чтобы наказывать зло. Она не знала, где на судью учатся и учатся ли вообще, и какая есть классификация, но у нее было еще два года школы, чтобы все выяснить.

И вот… выяснила и снова угодила в капкан. Первый курс МГИМО был почти позади, началась летняя сессия. А она пропадала с Василевским у него на московской квартире каждые выходные. В середине июля они даже провели суб-

боту в Звенигороде: Паша настоял, что хочет познакомиться с мамой Таней.

Маме он не понравился. «Любят не за тело, а за дело» – в который раз напомнила она. Но Саня забыла и советы, и доводы рассудка. Ей вдруг понравилось жить в надрыве, выключив «мудрую девочку» и плывя по течению.

К отрезвлению она приплыла уже через две недели, в начале августа, когда решила устроить Паше сюрприз и приехала в Питер без предупреждения. Долгая дорога ее утомила, но Саня смотрела кино на свежекупленном планшете, и время пролетело быстро.

Она знала адрес Василевского: выудила случайно из квитанции у него в документах. Паша обитал в частном доме в элитном поселке. Возможно, Саня приехала именно потому, что внутренний голос просил не доверять этому человеку – или хотя бы проверить, где и чем он живет…

…Так странно. Именно в тот день Стаса отправили в тюрьму. Они с Саней были чужими, незнакомыми – а их судьбы уже переплетались без их ведома.

Саня появилась перед воротами часов в семь вечера. Одета она была просто: джинсы, майка, клетчатая рубашка. В руках – «пузатая» черная дорожная сумка. Гостья уже собралась позвонить Паше и закричать: «Сюрприз!» – когда ворота открылись и незнакомый бугай спросил:

– Ты что здесь топчешься? Василиска еще нет, он на подъ-

езде. Можешь подождать с остальными, но вряд ли в эту партию пробьешься. Хотя… – он оглядел скромную Саньку с ног до головы. – Если хорошо попросишь…

Она сразу поняла, что дело – темное, но все-таки вошла во двор, и ее отправили в дом. В одной из комнат сидели три девушки примерно Саниного возраста, одетые, как проститутки.

– О, еще одна на халяву прискакала. Ты тоже в Турцию?

– Да, – блекло ответила она; у нее упало сердце.

– Мне уже хоть куда. Только бы из этого дерьма выехать, – пожаловалась одна из девчонок.

– Хотелось бы, конечно, выбрать профессию самой, – поддержала разговор Саня. Она еще не до конца верила в то, что видит, но хладнокровия ей было не занимать.

– Скажешь тоже – профессия! Официантка – разве же это профессия? Но подавать подносы в Турции легче, чем здесь сосать за новые сапоги.

Они думали, что их везут на работу в кафе. Саню начало колотить, из-за проклятого стресса ослабели ноги. «Позвонить в полицию», – была первая мысль, но роскошь окружающей обстановки намекала на то, что «Василиск» откупится.

Так страшно Сане не было никогда. Сердце будто вырвали из груди и продали на органы в Турцию.

– Девочки, вас ведь в притон везут, – с горечью сказала она.

– Да не-ет, ну какой притон? Василиск – серьезный му-

жик, сын уважаемого человека. О чем ты говоришь?!

Саня дышала глубоко, стараясь унять панику. Была жара, август, а у нее зуб на зуб не попадал.

– А когда нас заберут?

– Тебя не знаем когда, а наши паспорта готовы. Они у Василиска. Мы сюда пришли, как бы, ну… место сбора. Утром поедем.

У Сани болела голова, пришлось уйти из комнаты в поисках ванной. Можно попытаться сбежать, придумать отговорку, но охранник вряд ли выпустит за ворота. Если бы он был один, Саня попробовала бы его отключить, но во дворе было еще как минимум трое мужчин на страже.

Она ничего не знала о родителях Паши. Он настоял, чтобы познакомиться с мамой Таней, но о своей семье не хотел говорить. Саня пробовала искать информацию в интернете, но Паши не было в социальных сетях. Он называл себя «старомодным».

Саня вышла во двор и присела на скамью на крыльце.

– Что-то хотела? – спросил качок с татуировкой тигра на виске.

– Я Василиска здесь подожду. Меня тошнит. Укачало в автобусе по дороге сюда, пока из деревни приехала, – придумала Саня, и ей позволили остаться.

Буквально через пару минут Паша въехал через открытые ворота на красном «феррари», вышел, спросил что-то у охранника… и наконец встретился взглядом с незваной го-

стьей.

Она смотрела прямо, давая понять, что не боится, хотя нутро стыло от леденящего страха и разочарования. Паша-Василиск сразу уловил ее настроение. Он не стал задавать вопросов, оправдываться или врать. Как бы он ни относился к Сане, дурой он ее не считал. Паша приблизился, опустился на колени перед ней и уткнулся головой ей в живот.

– Саня… Санька… Я тебя не отпущу.

– Сволочь.

По щекам покатились слезы, а ей вдруг вспомнилось, что именно так она обозвала отчима когда-то. Вспомнилось, как трудно было простить себе трусость и сговорчивость, когда позволила злу жить.

В этот момент в ней проснулась решимость. Она не знала, как этого добиться, но Паша ответит. Главное выбраться отсюда. В ней не осталось чувств к нему, кроме ужаса, что позволяла такому чудовищу себя трогать.

– Я останусь с тобой, клянусь, – мертвенным голосом наконец произнесла она и почувствовала, как расслабились широкие плечи под ладонями.

– Подожди в моей спальне. Я освобожусь, и мы поговорим, – пообещал он. – Только… отдай мне телефон, хорошо? Это для тебя самой, чтобы не наделала глупостей.

– Я не стану звонить в полицию, если ты об этом. Я люблю тебя, Паш. Мне все равно, чем ты зарабатываешь, – врала она, давясь словами.

– Телефон, – настойчиво повторил он, и Саня достала из кармана джинсов свой старый смартфон. Паша сразу же его отключил и потянулся к Саниной сумке, но мужчину окликнул один из охранников.

Когда Василевский спустился с крыльца, Саня незаметно дрожащими руками сунула за спину, под ремень джинсов, планшет, который привезла, чтобы показать Паше свои последние фотографии. Гаджет она купила бэушный, и хоть в нем были интернет и телефонная связь, но долго ли еще протянет дешевая батарея? В дороге Саня ведь кино смотрела, хорошо, додумалась выключить, чтобы сохранить зарядку.

Вернувшись на крыльцо, Паша забрал и сумку, а потом молча сопроводил собственную девушку на второй этаж, в спальню, при этом оставаясь позади на несколько шагов и давая короткие инструкции, куда идти. Саня молилась, чтобы он ее не обнял, иначе найдет планшет.

Не обнял, даже близко не подошел, а потом щелчок замка, как взведенный затвор.

Саня оказалась запертой в комнате у мужчины, который только что разбил ее сердце.

Она подождала с минуту, убедившись, что Паша ушел, и вытянула из-под рубашки спасительный планшет, нагретый телом. Руки вспотели, и она вытерла их о джинсы, чтобы нажать виртуальные кнопки и позвонить Насте Тереховой. Они сдружились еще в начале года, и Саня надеялась, что подру-

га не откажет в просьбе.

Номеров в планшете не было, не успела вбить, но Настин помнила наизусть.

– Привет, мне нужен номер телефона твоего отца… Поверь, это важно. Нет, ничего плохого не случилось… пока что.

Настя назвала цифры, и Саня позвонила Николаю Александровичу Терехову, которого все, даже дочь, называли Большим Боссом. Он был единственным влиятельным человеком, к которому у Сани был доступ. Из скромности она никогда не упоминала при Паше, что лично знакома с Тереховым. Любимый мог подумать, что она кичится… Не хотелось выглядеть ребенком. Для Василевского она была обычная девочка из провинции, которая жила в общежитии и не имела лишних денег.

Долгие гудки, застывший холод внутри. Саня посмотрела на экран: значок батареи мигал одной полоской… Она всхлипнула от отчаяния и, когда абонент ответил, едва не зарыдала.

– Николай Александрович, простите, что беспокою в субботний вечер. Это Саня, подруга Насти… Да, та самая… – Она старалась говорить четко, ровно, но голос все равно срывался. – Я сейчас нахожусь в Санкт-Петербурге, в районе Золотой квадрат, улица Привольная, дом два. Это дом торговца людьми, который собирается вывезти трех девушек в Турцию утром. Меня он либо убьет, либо сделает своей сексу-

альной рабыней. Его зовут Павел Василевский, и я представления не имела о его подпольном бизнесе, – она замолчала и добавила только: – Помогите мне, пожалуйста.

Терехов начал задавать вопросы, но батарея села, и экран планшета погас.

Саня спрятала его под матрас, присела на кровать и стала думать. Главная проблема была – не запаниковать. В спальне была встроена небольшая ванная комната, и Санька обследовала там полки. Обычный набор принадлежностей, ничего того, что можно использовать как оружие. В воздухе висел неприятный терпкий запах освежителя, и это еще сильнее мешало сосредоточиться.

…В настенном шкафчике лежало несколько упакованных шприцов по пятнадцать миллилитров. Саня глубоко вдохнула, закрыв глаза. Она же может его убить. Хоть бы не дошло до этого. Кому и что потом рассказывать без живого Паши? Ничего ведь нельзя будет доказать, учитывая, что девушки пришли сюда добровольно. А кем именно был отец Василиска, тот самый «уважаемый человек», даже думать не хотелось. Если сын может открыто вести криминальные дела, то кто же тогда Василевский-старший?

Саня разорвала пластиковую упаковку, надела иглу, набрала полный шприц воздуха и сунула под манжету хлопкового рукава.

Она не понимала, как ее угораздило оказаться в подобной ситуации. Ведь она все в своей жизни всегда просчитывала,

каждый шаг. «Да, до встречи с Пашей, – подсказал разум. – До того момента, как ты начала думать не мозгом, а другим местом».

За четыре месяца, что они встречались с Василиском, она ничего толком о нем не разузнала и, вместо того чтобы навести справки через знакомых, сунулась прямо в капкан.

Да, у нее черный пояс, но Паша – довольно крупный мужчина, гораздо опаснее бывшего отчима. Василиску достаточно ударить ее кулаком в челюсть со всего маха, чтобы лишить сознания. А застать его врасплох не получится, он будет готов к боевым приемам.

Саня не знала, сколько просидела в комнате, потому что часов у нее не было, а в спальне не нашлось даже будильника – да и кому он нужен, когда есть мобильник, – но прошло не меньше часа.

Несколько раз она слышала шаги за дверью, кто-то дергал за ручку, даже заглядывал – проверяли.

…Паша вошел тихо, как только он один умел. Бесшумно ступая, остановился в нескольких шагах от Сани.

– Зачем ты приехала? Что-то случилось?

– Нет, хотела порадовать тебя. Мы не виделись две недели, с нашей поездки в Звенигород. Подумала: вдруг ты решил меня бросить…

Саня несла чушь, лишь бы потянуть время.

– Кто дал тебе адрес?

– Нашла в твоих документах в московской квартире.

– Я бы приехал к тебе завтра, зря ты так поступила.

С губ слетела ехидная усмешка.

– Н-да. Отправил бы партию «вещей» на турецкий рынок – и приехал. Целовал бы меня, шептал нежные слова… Самому не противно?

– Это просто работа. Наши клиентки – отбросы. Они не люди. Эти существа… они и так живут, как шваль. Какая разница где. Я просто устраиваю для них мост из одного дерьма в другое.

– Только *им* забываешь сказать об этом. Они-то считают тебя чуть ли не апостолом Павлом.

Он тяжело вздохнул и расстегнул манжеты рубашки, подкатал рукава, открывая крепкие смуглые запястья. Паша не отводил взгляда, не отворачивался, не подходил ближе; он был собран, как тигр перед прыжком, явно ожидая от Сани применения запрещенных приемов.

– Ты сказала, что любишь меня. Врала?

Саня промолчала. Любой ответ сейчас бы только усугубил ситуацию.

– А я вот тебя люблю. Но ты не сможешь забыть об увиденном, я тебя знаю.

Она уперлась ладонями в матрас, чтобы не привлекать внимания к шприцу.

– Пожалуйста, Паша… Не заставляй меня… Я смогу забыть, правда. Ну куда я пойду? В полицию? Это же смешно, я не камикадзе.

Василевский не двигался, глядя со смесью печали и злобы. В его темных глазах промелькнуло непривычное для него отчаяние, когда он сказал:

– Санька, Са-неч-ка! Что мне делать с тобой? Ты понимаешь, что связываешь мне руки? Мне придется отправить тебя утренним рейсом вместе с грязью, которую ты пожалела. Ну поезжай, пожалей их там. Посмотрю я, как ты будешь раскаиваться, когда поймешь, что им – все равно. Они будут довольны в любом случае. А вот ты – нет. Мне так поступить? Ты этого хочешь?!

Его голос становился жестче, громче, и Саня замотала головой, закусив от страха нижнюю губу. У нее по щекам потекли слезы, и она буквально пропищала:

– Паш… Я умоляю тебя, не подходи ко мне. Оставь меня. Просто дай уйти.

– Не могу. Ты моя… моя. Смотрю на тебя, и кажется, что ты мне сердце голыми руками вынимаешь.

– Это все ерунда. Ты наиграешься со мной скоро, и я тебе наскучу. Давай остановимся сейчас, ну пожалуйста.

Паша выругался, прошелся по комнате и ударил кулаком в стену. А потом на ходу достал из-за спины пистолет, который прятал в кобуре, прикрепленной к ремню, и сказал:

– Ну хорошо. Пока поживешь у меня, а там разберемся. Идем… Ты же не думала, что я сделаю тебе больно, солнце.

В этот момент Саня услышала звуки за окном: над домом пролетал вертолет. Василиск не сразу обратил внимание, но

потом все понял, когда она ступила не к нему, а к окну.

– Ах ты, сука! Это ты?! Что ты сделала?! – Он не выстрелил только потому, что сначала хотел услышать ответ, и Санька прислонилась к стене у окна, не давая Василиску повода сорваться. Тогда он не выдержал и подлетел первым, схватил Саню за волосы и приставил пистолет к виску. – Я задал тебе вопрос!

Гул вертолета становился громче, и она была готова завизжать от страха и натянутых нервов, но вместо этого дождалась момента, когда Паша, не утерпев, отвел немного в сторону руку с пистолетом, чтобы снова глянуть во двор, где шумели его пособники.

Сане хватило нескольких мгновений, секунды две. Резкий болезненный перехват, чтобы удержать на расстоянии пистолет – и удар другой рукой с зажатым шприцем по сонной артерии, вкачивая воздух, блокируя кровообращение.

Две секунды, в которые вместилась судьба человека.

Паша удивленно уставился на Саню, а она надавила ему на болевую точку в плече, выворачивая руку и, подбив под колено, вырубила точным ударом. Оттолкнула и отскочила в сторону, чтобы подобрать выпавший из его руки пистолет.

– Скотина, – процедила она сквозь слезы.

Она слышала, что в комнату бегут люди, и растерянно перевела прицел на дверь, хотя до этого никогда не держала огнестрельного оружия в руках и не знала, как им пользоваться. Когда дверь едва не слетела с петель, Саня закричала и

развела руки в стороны, увидев военного с автоматом.

– Как вас зовут?

– Александра Валеева!

Мужчина снял рацию с кармана на дутой куртке бледно-зеленого цвета и сказал, не отводя взгляда:

– Объект со мной.

Саня хотела объяснить ситуацию, сказать, что, возможно, спровоцировала у Паши воздушную эмболию и он может заработать инсульт или даже умереть, но перед глазами все поплыло, ноги подкосились – и она потеряла сознание.

В Петербурге Саня провела еще несколько дней. Туда приехали Большой Босс и его лучший друг Валентин Прохоров, дипломат. Именно с ним ББ связался сразу после странного звонка; отец Насти поверил телефонной истеричке просто потому, что Саня была единственной подругой его дочки, а та с идиотами не общалась.

Прохоров поднял на уши ФСБ, волна молниеносно дошла до питерского отдела, и по указанному адресу бросили группу захвата.

Саня не могла осознать все, что произошло. Съездила к парню на выходные, называется…

Паша, к счастью, не умер, и его уже бывшая девушка дала против него показания. Но дело было ненадежное, и Прохоров сразу предупредил, что исход может быть любым. Во-первых, потому что Ираклий Василевский – криминальный

царь, которого покрывают очень влиятельные люди, а во-вторых, потому что Паша – его единственный сын, которого будут отмазывать до последнего. Девочки, которых забрали из дома, сделали вид, что приходили в гости на чай.

Саня настояла, что не боится и пойдет до конца, и Прохоров пустил новость в газеты и на ТВ. Как свидетеля ее начали охранять.

Беспокоить маму не хотелось, но через неделю пришлось вызвать ее в Москву, чтобы ввести в курс дела. Она приехала – и встретила Прохорова, холостяка-дипломата, с которым встречалась в юности и который был почти на шесть лет старше. Ей тридцать восемь, ему – сорок три.

Валентин Геннадьевич, естественно, еще до встречи выяснил, кем была мать Сани. Чего он не ожидал, так это вспышки былых чувств. Мама вошла в кабинет, и он спросил удивленно, как будто ожидал увидеть дряхлую старуху, а явилась фея:

– Таня?! Ты… Проходи, пожалуйста, присаживайся.

Бедная мама растерянно застыла у порога. Прохоров подошел к ней, вежливо поцеловал руку – и, кажется, эти двое забыли, что в кабинете, помимо них, находились Саня и Большой Босс. На протяжении всей беседы бывшие влюбленные не разрывали взгляда, даже когда обращались к другим. Чистый гипноз.

И вот началось это дело, которое тянулось уже год. За это время удалось добиться, чтобы Василиска посадили под

домашний арест на время расследования, под подписку о невыезде. Помогло то, что вся линия торговли людьми была оформлена на Пашу, его отец по документам оказался «чист».

Ненужное внимание подорвало авторитет Ираклия, да еще дело его сына шло в сторону тюремного срока. Человек он оказался принципиальный и вот буквально месяц назад, в день свадьбы мамы Тани и Валентина Геннадьевича, едва не загубил их. Напомнил, что добро наказуемо.

Машина не взорвалась благодаря чуду по имени Тимошка. Глава службы безопасности Большого Босса решил проверить автомобиль новобрачных, в который на радостях без приглашения уселся ББ. Тимошка просто подстраховался. Профессионал.

Саня тогда осознала, что чуть не угробила чудесных людей, пойдя на поводу у чувств, а не разума. Поддалась обаянию Паши, наплевав и на его деспотичный характер, и на скрытность, а куда это в итоге привело?

После неудачного покушения Василевский-старший пытался заключить с Прохоровым перемирие: Пашу отпускают, все довольны, никто никого больше не трогает. Но Валентин Геннадьевич не повелся, понимая, что Василиск, оказавшись на свободе, достанет Саню.

Отчим уже давно начал пробивать по всем возможным источникам слабые места Ираклия и нашел тех, кто был го-

тов дать против него показания. Но люди боялись, а доказательств все равно оказалось мало для возбуждения уголовного дела против криминального царька. Слишком влиятельные люди его покрывали.

Ираклий знал, что под него «копают» и противостояние закончится для него либо сроком, либо побегом в теплые края без права вернуться на родину. Он бы уже уехал из страны, наверное, но сына не бросает, до последнего надеется закрыть его дело и забрать наследника с собой.

И вот вчера, словно призрак, Паша появился в «Бронксе». Зачем? Увезти Саню, конечно, чтобы объяснить, какая она плохая девочка. Глупо, у нее ведь охрана, а в клубе многолюдно, да и похитителя узнали бы на видеокамерах. Только хуже себе сделал. Эмоциональный, что поделать. Зато сразу ясно, что Василиск не оставит в покое скромную студентку, которая сначала разлила на него кофе, а потом, «обнаглев», вздумала засадить за решетку.

Глава 5

Стас барабанил по рулю пальцами, явно не зная, какие подобрать слова. Да и что тут можно сказать.

– Ты его любила?

– Не знаю. – Саня поежилась, продолжая разглядывать руки Стаса. Посмотреть ему в глаза так и не смогла.

Они припарковались на обочине, потому что давно прибыли на место назначения – в Николину Гору, где находилась дача Прохорова. Пришлось остановиться, не доезжая, чтобы закончить разговор.

– Хотя, нет. Сейчас понимаю, что не любила. Временное помешательство, химия, жажда острых ощущений, вот и все.

– Тогда ты будешь не против, если я его добью.

– Буду.

– Жалеешь его все-таки?

– Не его. Тебя.

Стас сидел в темных очках, но сейчас снял их и, потянувшись к Сане, крепко обхватил пальцами ее подбородок.

– Ты не виновата, слышишь?

Она освободилась от его прикосновения, высунула руку в окошко с опущенным стеклом и погрела ладонь на солнце.

– Да какая разница, кто, по твоему мнению, прав, а кто виноват. Есть факты. Логика событий. Мотивы. Тебе ли не знать. Не нужно меня обелять, нет совершенных людей, все

ошибаются. Это данность. Я лишь боюсь, как бы за мои ошибки в итоге не расплатились родные люди. Сам ведь мне о карме рассказывал.

Стас тихо выругался и вышел из машины, открыл дверь для Сани и подал ей руку, помогая выбраться. Обувь осталась в салоне, и Саня ступила босиком на теплый песок, вопросительно вскинув брови. Стас был гораздо выше, и рядом с ним она чувствовала себя ранимой, словно он видел ее насквозь. Хотелось зарыдать и сорваться на крик, чтобы перестал на нее смотреть так понимающе, но Саня взволнованно молчала.

Арес обнял ее за плечи и легко подтолкнул, заставляя отступать, пока она ни прижалась спиной к нагретому металлу автомобиля. Они были скрыты от проезжающих по трассе машин, но Саня и так не слышала шума улицы сейчас.

– У меня в груди что-то нестерпимо болит сейчас, похожее на сердце. Чувствуешь? – Стас был в тонкой футболке, без куртки, и августовская жара смешалась с теплом мужского тела и металла, заставляя Саню поддаться моменту и не протестовать. – Я тебя поцелую, светлая моя. Обычный дружеский поцелуй… вроде моральной поддержки, и ты наконец перестанешь заниматься самобичеванием, хорошо? Забудешь об одном мудаке и переключишься на другого хотя бы на минуту.

Не давая возможности одуматься, он обнял Саню за талию одной рукой, а вторую запутал в волосах на ее затылке. В

его взгляде было столько нежности, что Саня сдалась, и он, уловив этот момент, накрыл ее губы своим ртом, выбивая из мыслей все сомнения.

***

Стас знал, что не прав, но желание поцеловать Сашу болело на губах весь день, и он не выдержал. Понимал, что внаглую пользуется ранимостью девушки, но чувствовал, что задохнется, если не возьмет хотя бы ее дыхание.

Она убила его наповал своими воспоминаниями, а еще убедила, что у такого, как он, нет шансов завоевать или разбить ее сердце, а значит, один поцелуй не разрушит их отношения.

У них и отношений-то нет. И быть не может.

Он просто поцелует ее и перестанет о ней думать. А она отвлечется и придет в себя. Его реально испугало, что Саша может заплакать. У Стаса душа и так была в клочья со вчерашнего дня.

Цвет ее глаз под солнцем напоминал шампанское, а темные пушистые ресницы придавали взгляду оттенок порочности. Убойная смесь.

Он завелся с первым прикосновением, ощутив аромат мятной жвачки на ее губах, и крепче прижал Сашу к машине, не позволяя двигаться, запоминая каждый изгиб стройного тела. Мелькнула мысль, что она может вытащить пистолет из кобуры и пристрелить его, но вместо этого светлая робко обняла его за талию.

Он целовал неторопливо, осторожно, мечтая открыть дверь и втолкнуть девушку на заднее сиденье – чтобы забыться в ней, слушать, как срывается на стон ее дыхание.

Пальцы легли на ручку двери, но в последний момент Стас накрыл ладонями тонкие запястья Саши и убрал ее руки с себя, чтобы не позволила ему, удержала. Он слегка отстранился, ожидая найти осуждение в ее строгом взгляде, но раскрасневшаяся, растерянная, она смотрела испуганно и откровенно…

Она хотела его.

От этой мысли сердце грохнулось в бездну, мозг оплавился, и Стас буквально смял Сашу в руках, целуя так жадно, будто опаздывал жить.

Она ответила не сразу, но стоило ощутить ее горячий язык на своем, и перестал соображать. Как сумасшедший, грубо брал ее рот своим и не мог остановиться. Ладони жгло от нетерпения, когда огладил гибкую спину, бедра, а потом подхватил Сашу под колени, приподнимая, и с силой впечатал в себя. Он не разорвал поцелуя и выпил ее стон до конца, моментально став зависимым.

Светлая обнимала его руками и ногами, до боли, до синяков, и казалось, она тоже забыла, кто они и где.

– Саша… – хрипло шептал он, впиваясь губами в ее шею, полностью отдаваясь светлой девочке. И хотелось выть от того, что не имел права взять больше, чем просто поцелуи на обочине.

…Часы показывали 10:40. Они целовались почти час. Было трудно прийти в себя, заговорить. Губы у Саши стали яркими, припухшими, а на шее и над ключицей красовались засосы. У Стаса дрожали руки, и он пытался спуститься с небес на землю. Не получалось.

Они вернулись в машину и просидели минут пять, глядя перед собой. Тишину нарушал гул проезжавших мимо автомобилей, но поднимать стекла и включать кондиционер не хотелось.

Саша подтянула повыше лиф многострадального платья, а потом глянулась в зеркальце над пассажирским сиденьем.

– Черт, – выдохнула она, разглядывая засосы, а затем произнесла приговор: – Ночью ты был не в себе, но сейчас-то знал, что делаешь. Чтобы это было в последний раз, договорились?

– Да. Не рассчитал. – Демоны внутри взбунтовались, не готовые отказаться от наслаждения, но Стас заставил их заткнуться.

– Давай заключим пакт. Я помогу тебе начать новую жизнь, ты поможешь мне выжить и сломать Ираклия Василевского. А потом мы пойдем каждый своей дорогой. Уясни, пожалуйста, простую вещь обо мне: я не считаю страсть достаточным поводом, чтобы рисковать будущим. Всему есть мера, и я свою уже исчерпала в прошлом году. Прости.

– Как скажешь.

– Как *я* скажу?! – она резко повернулась к нему. – А ты что

предлагаешь? Мы можем завести интрижку и вместо того, чтобы заниматься делом, будем заниматься любовью… И не ухмыляйся, я ведь серьезно!.. Мне предстоит очень трудный период, тебе тоже. Нам нужно головой думать, чтобы победить. Страсть – это дело проходящее. Сегодня есть, завтра уже перегорело. Оно того не стоит. Понимаешь?

Стас понимал и был полностью согласен. В нем взбесились гормоны, и сейчас он бы ел из Сашиных рук, пожелай она.

– Не злись. Клянусь больше не провоцировать тебя. А клятвы я не нарушаю… почти никогда. Будешь умолять, и то не соглашусь.

– Пф! Не дождешься.

– Ну вот и я о том же. Так что можешь спать спокойно. Слушай, даже если бы я *действительно* захотел, то не стал бы влезать в твои планы. Ты будущая служительница закона, падчерица уважаемого в стране человека, борец за справедливость: мир, дружба, жвачка. Я – сын государственного преступника, а заодно зек и крестник криминального босса, с которым воюет твой отчим. Я не настолько мразь, чтобы портить тебе репутацию и подрезать крылья.

– Стас… не в этом ведь дело.

– Да ладно, не криви душой, тебе не идет. Ты не стала бы со мной связываться. Но я и сам не предлагаю, потому что у меня ничего нет: ни планов, ни профессии, ни перспектив, ни психического здоровья. Так что согласен на партнерские

отношения. Будем выгребать из болота вместе. Ты – в светлое и справедливое будущее, а я… куда-нибудь, где буду спокойно спать.

Она терла ладони о колени, прикрытые платьем, явно пытаясь усмирить волнение.

– Рада, что мы пришли к соглашению.

– А уж я как рад, – буркнул Стас и, провернув ключ зажигания, вырулил на дорогу.

До него наконец дошло, зачем его забрали из тюрьмы. Ираклий немного сдал позиции, но дожать нечем. А тут новость: экс-главу М-Банка господина Архипова могут вернуть в Россию. Прохоров рассчитывает, что Стас убедит своего отца предоставить сведения, которые помогут завести уголовное дело на Ираклия.

Логично. Отец – большой друг питерского авторитета и, вероятно, обладает ценными для суда уликами. Идти на сделку отец не станет из принципа, у него железные нервы и супер-голова, он не может не понимать, что от тюрьмы ему уже поздно спасаться, так какой ему смысл подставлять друга? Но сыну, да еще при личной встрече, возможно, не откажет в услуге… Хм-хм, большой вопрос… А впрочем, каким бы отец ни был лицемером, Стасу он действительно никогда не желал зла. Просто каждый в этом мире сам за себя.

Сначала в прессе промелькнет новость о том, что даже крестник Ираклия Василевского перешел в чужой лагерь. Потом напишут, что экс-глава М-Банка Юрий Архипов вы-

ступил против своего старого друга, а в итоге произойдет цепная реакция доносов.

Стас не обижался на Валентина Геннадьевича за подобный расчет. Наоборот, спасибо ему по гроб жизни за то, что додумался до этого хода и так вовремя вытащил из могилы.

…Саша сидела в напряжении остаток пути, сложив руки на коленях… Н-да, переборщили с поцелуями, конечно, но она точно больше не плакала и не думала о Павлике Отмороженном, чтоб этому ублюдку под домашним арестом до конца дней страдать.

…Взгляд то и дело магнитом тянуло к Саше. Шикарные у нее ноги, конечно, а кожа такая нежна, так и хочется-а-а!

«Спокойно, – приказал он себе. – На дорогу лучше смотри».

Не хватало еще, чтобы Стас Архипов плакал, моля о любви. Гильдия фаталистов осудила бы. Его судьба – охранять Сашу, а не унижаться перед ней. Испанский стыд, ей богу. Подумаешь, девушка. Да их миллионы в мире…

«Миллионы, но хочешь ты именно эту».

«И что? Скоро перехочу, как будто я себя не знаю», – возразил он своим демонам. А учитывая, что Прохорова и сама не очень-то рвалась в его объятия, то это упрощало задачу. Насильно мил не будешь, как говорится. Как он сам не раз говорил надоевшим пассиям, чтобы отвязались.

Да и ладно. В груди разливалось тепло от присутствия Саши рядом, и этого было достаточно. Спасибо ей за рассуди-

тельность и за то, что собралась бороться за будущее Ареса, совершенно чужого ей человека, которого знала меньше суток. Похоже, девчонка умела идти к цели напролом.

Стасу стало даже любопытно, как именно она будет сражаться за него и куда ее это в итоге заведет.

Дача у Прохорова оказалась просторным особняком за высоким забором. Дом принадлежал семье уже несколько поколений, как успела рассказать жена дипломата, Татьяна. «Зови меня Таня», – попросила она. Просто, но элегантно одетая, она мало напоминала Сашу внешне, хоть обе и были брюнетками. Мать – робкая, тихая, а дочь лишь пытается такой казаться, укрощая саму себя.

В доме было душно, а во дворе, наоборот, терпимо. Последние выходные лета, на деревьях уже местами желтели листья. Стас вдруг подумал, что давно не видел, как цветут сады… И понял, что именно так пахнет Саша – цветущим садом.

Прохоров приехал только после обеда, усталый, с темными кругами под глазами, и вежливо пожал Стасу руку.

– Я сделаю все возможное, чтобы склонить отца к сотрудничеству, – не ходя вокруг да около сказал Архипов, когда они расположились за дубовым столом на открытой террасе.

– Не думай, что я вытащил тебя только из корысти. Я бы забрал тебя в любом случае. Таких, как ты, нормальные люди не бросают.

Фраза застыла в воздухе упреком в адрес старшего Архипова, и Стас это понял. Поддержать возмущение он, увы, не мог, ибо никогда не винил родителей за то, что уехали. Наоборот, радовался. Будда им судья – один из тех, что мать покупала на сувениры. Родителями они были, возможно, не лучшими в мире, но и сын у них не подарок. В их семье не принято винить друг друга. Разве что «по праздникам» и в экстремальных ситуациях.

В голову Стаса еще в первые годы жизни вложили закон: «Каждый в этом мире – сам за себя. Никто никому ничего не должен. Сын не должен отцу, отец – сыну». Оставалось молиться, что Архипов-старший нарушит это правило и пойдет на сотрудничество.

На террасу через арку, увитую плющом, вышла Саша. Она переоделась в синий комбинезон, у которого была закрытая горловина, но зато слишком короткие шорты. Вот совсем бесстыжие, если честно. Специально, что ли, довести хочет? Проверяет его силу воли?

– …так что?

– М-м? – Он не услышал заданного вопроса, отвлекшись.

– Останетесь до завтра у нас? Мы только называем это место дачей, а на самом деле для меня это и есть дом родной. В Звенигороде я мало жил, все больше в переездах годы проводил с родителями. Мой предок построил эту усадьбу своими руками, но во времена деда ее сожгли. Отец из пепла восстановил, и я при первой возможности тоже лепту внес.

Для меня корни многое значат.

– Увы, не могу разделить ваши чувства. У меня нет корней.

– Захочешь – пустишь.

– Это вряд ли, – скептически ответил Стас, глядя, как Саша расставляет чайный сервиз.

Они сидели в тени, но лучи солнца пробивались через листву яблони и ласкали лицо девушки.

«Остынь, убогий», – дал себе мысленный подзатыльник Архипов и отвернулся. Увы, чтобы забыть вкус ее губ, недостаточно просто не смотреть. Нужно, например, сломать себе ногу или руку, чтобы отвлечься на боль.

– Саша может остаться, если хочет, – наконец ответил он на вопрос. – Я вернусь за ней в шесть утра и отвезу на учебу. Мне сегодня еще нужно обсудить дела с охраной.

– Ребята надежные, можешь не волноваться. Их Тимошка подбирал, – Прохоров затянулся сигаретой и, сощурив глаза, выпустил дым. – Курю, не могу бросить. Вернее, не хочу. Работа нервная, – он засмеялся и проводил восхищенным прищуром жену, которая прошла мимо. – Сильные у меня девчонки, до сих пор не верю, что нас жизнь столкнула. Судьба явно потребует уплату за такое счастье.

– Какие-то проблемы? – правильно истолковал слова Стас.

– Да вот, знаешь… Саня западает людям в душу. Павел на стену лезет, говорят. Я своим ребятам позвонил вечером, его

в Питер сопроводили под конвоем. Никуда не делся, уехал. Но удивил он, конечно. Такое рвение… Если он до Сани доберется, то в кандалы закует в каком-нибудь подвале. Я видел его глаза в суде. Он на нее как на собственность смотрит. Уже тогда стало ясно, что мы с ним не разойдемся по-хорошему. Достанет он ее рано или поздно, если до того в тюрьму не успеем засадить.

– Со мной не достанет, – ровно сказал Стас, а у самого нутро клокотало от желания выпотрошить ублюдка первым. Стереть его с лица земли за то, что Саша принадлежала ему когда-то, за то, что хотела его. – Вы мне спасли жизнь, Валентин Геннадьевич, а я постараюсь спасти ее. Это называется «отработать карму».

– Нет, Стас, – Прохоров снова затянулся табаком. – Это называется простым человеческим достоинством. Редкое явление, между прочим.

– Да ладно вам…

Валентин Геннадьевич усмехнулся:

– Знаешь, что сильнее всего задевало твоего начальника в тюрьме?

– Что я богатенький сынок?

– Нет. Что, даже когда у тебя ничего не осталось, тебя невозможно было унизить. Его слова отскакивали от тебя, как щебенка от бампера. Ты непробиваемый, Стас. Ты можешь думать о себе что угодно, но мне и так с тобой все ясно.

И снова дух взбунтовался. Когда хвалили, Стасу хотелось

встать и кричать, что это ошибка. Зачем они придумывают о нем то, чего нет?! Зачем постоянно заставляют чувствовать себя подонком?! В такие моменты хотелось сделать что-то из ряда вон выходящее, чтобы заглушить внутренний протест и удовлетворить демонов.

Стас отодвинул от себя фарфоровую чашку и сказал:

– И что вам ясно? Я, между прочим, Сашу ночью чуть не изнасиловал.

Прямо груз с души упал, и Архипов выдохнул. Он никогда не имел привычки врать, хотя сейчас и сам был в шоке от собственной прямолинейности. «Ты первоклассный идиот», – постановил разум, зато душа ликовала.

Прохоров просканировал его взглядом и покачал головой.

– Не верю.

– Ну хорошо… насилия не было, конечно, но я ее поцеловал. Так что о чести и достоинстве это вы переборщили.

Прохоров стряхнул пепел с кончика сигареты и оглянулся, выискивая взглядом Сашу. Та стояла неподалеку, задумчиво срезая розы с куста.

– И она тебе позволила?

Такого вопроса Стас не ожидал. Он искренне надеялся, что Прохоров набьет ему морду и выкинет в кювет, погибать от деградации.

– Валентин Геннадьевич, вы слышали, что я вам сказал?

– Да, со слухом у меня все в порядке. А у тебя не очень, оказывается. Саня никогда в жизни не позволила бы обни-

мать себя против воли.

– Если вы думаете, что четвертый дан – это панацея от придурков, то заблуждаетесь.

– Да бог с ним, с поясом. Аттестацию на каждый уровень нужно проходить, количество приемов ограничено… Саня! – девушка, услышав, оглянулась. – Будь добра, на минутку.

Она отложила садовые ножницы, взяла корзину с белыми розами и подойдя, поставила ее на стол.

– Что случилось?

– Ты же понимаешь, что заводить отношения с собственным телохранителем – дело неблагодарное и крайне опасное?

Если Саша и удивилась или обиделась из-за болтливости Архипова, то не подала виду. Невозмутимая, однако.

– Вы меня за этим позвали? Между мной с Аресом – исключительно деловые отношения. Кстати, я буду называть его «Арес».

– Вот же хитрая, – рассмеялся Прохоров. – Смотри, как ловко вывернулась. Я уже и забыл, о чем разговор. Запомнил только, что тебя теперь нужно звать Арес… Ну да ладно. Я рад, что вы все уладили. Санька, рассуди спор. Я пытаюсь доказать Стасу, что без твоего согласия он не коснулся бы тебя. А он не верит. Считает себя мерзавцем.

Саша отошла чуть подальше, на газон, и поманила Архипова, мол, иди-ка сюда, дитя нерадивое, которое растрепало

взрослым о поцелуях.

Стас приблизился, с интересом ожидая какого-нибудь приемчика от девушки, но… давайте говорить прямо: она хрупкая, среднего роста. А Стас в единоборствах не последний человек, умело обращался с огнестрельным, холодным оружием, обладал навыками боев без правил. Ну как она может его свалить на…

…Очнулся Стас, видимо, быстро, раз еще не стемнело. Над ним стояла обеспокоенная Саша, которая – и он это помнил наверняка – его даже не коснулась; она лишь посмотрела на него холодно, отстраненно-сосредоточенно, как будто видела насквозь, и взмахнула руками.

Лежа на траве, глядя в бездонные глаза, которые могли принадлежать ангелу, Стас понял, что пропал. Девушка, которая постигла искусство бесконтактного боя, – это же несбыточная мечта идиота по фамилии Архипов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.